

Евгений Старков

ЗОЛОТЯНКА

Евгений Старков

ЗОЛОТЯНКА

ПОВЕСТЬ

Оса, 2011

Занятое предложение

Я всё-таки успел запрыгнуть в последнюю электричку. Отдышавшись в тамбуре, я прошёл в вагон. Моё внимание привлекла группа людей в штормовках с большими рюкзаками. По всей вероятности это были геологи. Пройдя в другой конец вагона, я нашёл свободное место у окна. Напротив меня сидел мужчина в берете с чёрной седеющей бородкой. Он бегло просматривал какой-то красочный журнал. За окном мелькали невзрачные постройки. Просторное желтеющее поле тоже не привлекало взгляд. Но вот равнина сменилась холмами с красиво освещённым лесом. Мужчина поспешно сунул журнал в дипломат, достал папку с листами ватмана, карандаш и стал внимательно смотреть в окно. За окном с шумом промелькнули фермы моста, и не очень широкая, но красивая река удачно вписалась в пейзаж. Мужчина замер и, словно фотографируя, внимательно смотрел на проплывающую картину. Потом он стал судорожно работать карандашом. Поезд мчал нас дальше, а он всё воспроизводил увиденное мгновение. Река, обогнув скалистый холм, направила свои воды вдоль железной дороги. На другом берегу среди смешанного леса, словно фортификационные укрепления, в лучах заходящего солнца возвышались красивые скалы. Художник быстро сменил лист бумаги и опять стал зорко вглядываться в проплывающий пейзаж. На небольшом участке пути он набросал листов пять. Потом вид из окна стал однообразным, но он всё что-то подрисовывал, то на одном листе, то на другом. Я не выдержал и попросил разрешения взглянуть на рисунки. Меня поразила уверенность линий чёрного карандаша.

--Интересные композиции, - сказал художник. - Когда-нибудь пригодятся.

На одном полустанке выгрузились геологи.

--Вам бы с ними побродить, - предложил я.

--Спасибо. Я уже бродил. - ответил усмехнувшись художник.

--Ну и как? - спросил я.

--Нормально. Правда чудом остался жив. - заинтриговал художник.

--Как же так?

За окном стало темнеть, в вагоне включили свет.

--Вот, например, вы смогли бы перезимовать без жилья и продуктов в суровой сибирской тайге?-- неожиданно обратился ко мне художник, укладывая папку с рисунками.

--Не знаю, - засомневался я.

--Трудно поверить, но я выжил и очень доволен этой поездкой.

Меня очень заинтересовала эта необычная история, и я уговорил художника рассказать е

- Было это лет двадцать с лишним назад, - начал он, почёсывая бородку. - Случайно на улице я встретил одноклассника Ромку. Друзьями мы не были. но когда-то в нашем районном городке занимались в изостудии. Потом он уехал учиться на геолога, а я почему-то подался в политех. Уже много лет я работал конструктором, но удовлетворения от работы не испытывал. Уменье рисовать приносило мне дополнительные хлопоты. Почти каждый день мне подсовывали то объявление, то поздравление, то стенгазету. Почему не пошёл я учиться на архитектора? Куда приятней разрабатывать красивые современные дизайны, чем проектировать эти железяки.

На соседнем заводе создали группу эстетики и меня сманили туда. Я уже получил расчёт на своём заводе и на следующий день собирался пойти на новое место.

Роман торопился, но мы всё-таки заскочили в ближайшую кафэшку и взяли бутылку вина. Вспомнили школу, одноклассников, изостудию. Немного поговорили о работе. Роман очень обрадовался, узнав, что я рассчитался с работы.

«Всё, завтра едешь со мной!» - закричал он.

Я пытался объяснить, что завтра мне надо явиться на новое место работы, но он даже не хотел слушать.

«Работа не волк!» - кричал он.- Там реки, горы, такая красотища! Ты просто обязан её запечатлеть. Кроме тебя ни один художник туда не попадёт».

Я снова хотел возражать, но он с тревогой посмотрел на часы.

«У меня ещё куча дел. Завтра в девять утра встречаемся на вокзале возле касс»,- сказал он поднимаясь. «Билет достанем. Смотри не забудь краски».

Роман хлопнул меня по плечу и исчез, а я ещё долго не мог прийти в себя.

Мне много раз доводилось выезжать на этюды, но каких-то выдающихся волнующих душу полотен в моей коллекции ещё не было. Я представил лес в золотом наряде и скалистые горы.

Интересно, какого они цвета? Я же настоящие горы ещё не видал. Надо ехать, решил я.

Часом назад я от безделья просто бродил по городу, а тут столько всяких хлопот навалилось. Надо было предупредить на новом месте работы, что я задержусь недели на две. В художественном салоне Необходимо было пополнить набор красок. Хорошо, что у меня был запас толстого загрунтованного картона. Очень сложно было уговорить коменданта общежития, чтоб не выбрасывали мои вещички, ведь меня уже оттуда выписали. Выезжая весной и осенью на этюды, под штормовку я поддевал старую много повидавшую меховую куртку. Брал с собой даже перчатки и варежки. Застывшими пальцами немного напишешь. В самый последний момент я вспомнил о питании. Раз у них геологическая партия, значит, питание должно быть налажено. А вдруг я буду где-нибудь далеко от них и вообще мало ли что. В магазинах был только завтрак туриста да пакетный суп. Пришлось взять по пять штук того и другого. Потом удалось найти сайру и пряную свинину. Купил по паре банок. Даже прихватил пару пакетов сухарей и пачку рафинада. Чай, соль и спички у меня всегда были в рюкзаке.

Я пообещал коменданту подарить красивую картину, за что она разрешила ночевать в моей теперь уже бывшей комнате. Сосед по комнате заядлый фотолюбитель Сашка страшно завидовал мне. Потом вдруг протянул фотоаппарат и сказал:

-На. Засними там всё, а я потом напечатаю. Мне тоже хочется посмотреть на горы.

Я в фотографии был профаном, но Сашка настаивал. Он даже написал коротенькую инструкцию.

-Главное, не забывай выдвигать объектив и снимать колпачок, - предупредил он.

Глава 2

Здравствуй, Золотянка

Через знакомую кассиршу Роман купил билеты в плацкартный вагон. Времени для воспоминаний у нас было предостаточно. Потом мы летели на вертолёт с нефтяниками. В конце полёта картина была захватывающая. То тут, то там над ярко расписанным лесом возвышались каменные громады. Голубыми змеями извивались реки и речушки. Опустившись ниже вековых истуканов, вертолёт ловко приземлился на песчаную косу в излучине реки.

Высадив нас, нефтяники улетели дальше.

- Вот она, наша Золотянка, - объявил Роман.

С другого берега, где стояли палатки за нами приплыли на резиновой лодке. Роман был начальником экспедиции и сразу стал решать какие-то вопросы.

-Ты сегодня пока оглядывайся самостоятельно, - сказал он, - а завтра я тебя сведу на такую площадку, с которой можно рисовать круговую панораму.

Геологи отнеслись ко мне довольно дружелюбно, особенно после того, когда я набросал пару карандашных портретов.

Роман привёз одному из геологов новый спальник, а старый, каким-то образом сильно обгоревший, достался мне. После захода солнца стало довольно прохладно, но в палатке, в спальнике, да ещё под меховой курткой было тепло.

Роман, когда вёл меня на гору, топором делал засечки на деревьях, чтоб на обратном пути я не сбился с тропинки. С плоской вершины скалы во все стороны открывалось сказочное зрелище.

-Ну как? Нравится?- спросил Роман. -Я бы сам с удовольствием порисовал, но с работой запарились, да и руки давно забыли как держать кисть.

За три дня я написал пять этюдов и заснял больше десяти кадров. Пейзажи были очень красивыми, но как-то не чувствовались высота и величие гор. На следующий день я пошёл вдоль реки, чтоб выбрать композицию с нижним ракурсом. На фоне голубой воды ярко выделялись гроздь калины. Дальше на повороте реки из зелёного с большими золотыми пятнами леса, словно пика грациозно устремлялась в небо скала. Композиция мне очень понравилась, и я долго с увлечением выписывал все детали.

Чтоб не терять время на обед, перешли на двухразовое питание. Пища была вкусная и питательная, утром и вечером с

тушенкой. Готовила профессиональный повар жена одного из геологов. Я хотел выложить ей свои запасы, но боясь быть осмеянным за завтрак туриста, оставил всё в рюкзаке и таскал с собой по горам и долам. Привыкнув на заводе обедать, я каждый день собирался вскрыть какую-нибудь банку или хотя бы попить холодного чаю с сухарями, который утром наливал во фляжку, но живопись так захватывала меня, что было не до обеда. Я уходил далеко вдоль реки, пробирался по тесным ущельям, по дну которых журчали хрустально чистые ручьи.

-Ради бога будь осторожен. - каждое утро просил меня Роман, а мне так хотелось забраться на скалу, которая буквально нависала над рекой. Случайно я наткнулся на тропу какого-то зверя. Следопыт из меня никудышный, но мне показалось, что тут ходил лось. Огибая деревья и крупные камни, тропа вела вверх. Не раздумывая, я заспешил по ней. Вот лес кончился, передо мной была каменная громадина. Но что это? Вдоль отвесной стены тянется узкая терраса, и тропа выходит на неё. Зачем на такую кручу надо ходить лосям? Скорей всего летом в жару там, на ветерке они спасались от надоедливых кровососов. Сделав несколько шагов, я глянул вниз и тут же прижался к каменной стене. Под террасой было больше пяти метров. Дальше терраса шла на подъём, а внизу каменистый склон круто опускался до самой реки. Если сорвёшься, костей не соберёшь. Я вспомнил предупреждение Романа и вернулся к началу террасы. Надо всё делать с умом, решил я, и собрался обследовать эту опасную тропу без вещей налегке. Снимая рюкзак, я услышал какой-то рокот. Это летел вертолёт. Он приземлился на той же песчаной косе. Покорение скалы не состоялось. Схватив рюкзак, я заспешил в лагерь.

Глава 3

Таёжные сюрпризы

Вертолёт улетел, а Роман ругался на чём свет стоит.

-Они думают, мы тут гуляем по асфальту и сметаем золотой песок!- причал он. – Полазали бы они по этим каменным буеракам!

Только на следующий день я врубился в сложившуюся ситуацию. Пришёл приказ свернуть экспедицию и в кратчайший срок представить отчёт.

-Разве будет отчёт полноценным, если у нас не обследованы ещё два притока? - возмутился Роман. - Ведь должен откуда-то поступать в реку драгоценный песок. Не зря же кто-то назвал её Золотянкой. Сопоставляя все пробы, я уверен, что в этих последних ручьях будет положительный результат.

-Там работы осталось дня на три-четыре,- вставил геолог Рафик,- закончим и поедем.

-Мы и так опаздываем с отчётом,- возразил Роман.- Сейчас все занимаемся упаковкой образцов и сворачиваем палатки кроме одной двухместной. В пять часов за нами прилетит вертолёт.

-А маленькая палатка зачем?- удивился Рафик.

-В ней остаешься ты и живописец Зорин.

-Почему я?

-Потому, что ты у нас самый опытный специалист, но сам понимаешь, одного тебя оставить я не имею права, поэтому помощником, а больше для формальности, остаётся с тобой Володя Зорин. Я думаю, что он ещё с удовольствием порисует такую чудную природу.

Помолчав, Роман добавил:

-Я договорюсь с нефтяниками, чтоб через пять дней вас забрали с нижней стоянки. Там тоже надо забрать образцы.

Мы остались вдвоём. Я был рад, что моя экспедиция не свернулась так резко. На следующий день после завтрака я собрался помогать Рафику, но он отказался от моей помощи, сказав, что если понадобится, то позовёт сам.

Целый день, околавываясь возле стоянки, я ни чем не вдохновился и почти ни чего не нарисовал. Ещё занимаясь в студии, я сделал вывод, что можно часами равнодушно взирать на красивейший, но давно знакомый пейзаж, и наоборот какое-нибудь мгновенное видение взволнует и заставит взяться за кисть.

Рафик оказался довольно сложным человеком. Ещё при Романе я пытался набросать его портрет, но никак не мог уловить

его обычное состояние. Он то заливался смехом, обнажая белые широкие зубы на смуглом лице и сильно щуря, чёрные мусульманские глаза, то хмурился так, что казалось, был сердит на весь мир. После отъезда Романа он не то что смеяться, даже перестал улыбаться и почти не разговаривал со мной.

Утром я решил самостоятельно идти на дальний ручей, где по моему предположению должен работать Рафик. Там можно выбрать интересную композицию с горной речкой и, может что-нибудь помогу этому недовольному специалисту.

Я быстро дошёл до первого ручья, который запечатлел ещё в первый день. Дальше тропы не было. Прыгая с камня на камень, я направился вниз по ручью и оказался на берегу Золотянки. Обмелевшая за лето река, обнажила широкую каменистую полосу пологого берега, по которой можно проехать даже на машине. Местами полосу пересекали маленькие ручейки, вытекающие из зарослей ивняка. Возле родников на влажном песке я отчётливо различил следы резиновых сапог Рафика. До моего слуха донёлся странный шипящий звук. Я ускорил шаг, звук усилился. Скоро мой путь преградила речка. Горный поток, не шире двух метров, так свирепо ворчал и шипел, стараясь вытолкнуть в Золотянку крупные валуны, что сразу привлёк внимание бродячего художника. Повернув вверх по ручью, я опять обнаружил след Рафика. Вероятно, это и был дальний ручей. Неспешно двигаясь вдоль шумного ручья, я запоминал места, где можно набросать чудесные динамичные этюды. Неожиданно я увидел сгорбленную фигуру геолога. Подойдя ближе, я понял, что он промывал грунт, со дна ручья. Рафик вздрогнул от неожиданности и зло посмотрел на меня.

-Давай что-нибудь помогу, - предложил я.

-Без тебя обойдусь! – послышался резкий ответ.

-Это что, золото? – спросил я, увидав что-то жёлтое и блестящее в баночке.

-Это?- переспросил Рафик и, помолчав, как-то неуверенно ответил: - Нет. Это халькопирит.

-А-а-а, - протянул я, абсолютно ничего не ведая о каком-то халькопирите.

-Иди, малюй свои шедевры и не приставай к людям! - закричал рассерженный специалист.

Обескураженный, не много постояв, я направился дальше осматривать ручей. Занятая композиция вывела меня из неприятного состояния. Горный ручей так старательно бился о камень, лежащий на пути, что брызги, сверкающие на солнце,

веером разлетались во все стороны. Внизу у воды зеленела ещё сочная трава, а сверху справа нависала берёзовая ветка золотистого цвета. Установив этюдник, я с увлечением принялся за работу.

На третий день с утра густой туман своей холодной нежностью так укутывал сибирскую красоту, что в пяти метрах трудно было что-нибудь разглядеть. Поёживаясь от холода, я направился по берегу в сторону той самой скалы нависающей над рекой. Возле скалы туман стал редеть и пришел в какое-то магическое движение. Не сразу нашлась лосиная тропа. Поднимаясь по ней, я вдруг вынырнул из тумана и оказался в лучах ещё не тёплого, но ласкового солнца. Как было задумано раньше, по узкой террасе я отправился без рюкзака и этюдника. Постепенно поднимаясь, я вышел на небольшую площадку на самом обрыве, нависающем над рекой. Моё внимание привлекли кучки сухого лосиного помёта. Значит, на счёт спасения от кровососов я был прав. Вид с площадки был обалденный. Редющий туман придавал особый колорит осеннему пленэру. Но это была ещё не вершина. Через узкую щель я протиснулся на миниатюрное плато, покрытое какой-то засухоустойчивой растительностью. На краю плато возвышался огромный камень, расколотый временем на три части. В одной из щелей росла невысокая причудливой формы сосна. Это была самая высокая точка на скале. Покрутившись, я выбрал интересную композицию, на переднем плане которой была каменная глыба и скрюченный ветром ствол сосны. В считанные минуты я сбегал за красками и этюдником.

-Всё-таки хорошо, что Роман оставил меня,- думал я торопливо набрасывая этюд. Потом с лосиной площадки я рисовал реку, над которой утром плыла загадочная пелена.

На следующее утро туман был ещё гуще. В полдень мы должны сниматься и плыть на нижнюю стоянку, Рафик крепко спал, а я решил сбегать на скалу, чтоб с природы дописать сказочный туман над рекой.

Я уже хорошо знал тропу и, несмотря на плохую видимость, быстро с одним этюдником взобрался на скалу. Мне показалось, что в это утро картина была ещё сказочней. Это, пожалуй, был самый лучший пейзаж написанный мной. Туман постепенно таял, а я ещё добавлял кое-какие штрихи и оттенки. Вдруг в дали на реке сквозь редющий туман я разглядел какое-то тёмное пятно. Пятном оказалась уплывающая резиновая лодка.

-Откуда тут могла взяться лодка? - удивился я.

Страшная догадка, от которой бросило в жар, мелькнула в моей голове. Я почти бежал к нашему лагерю. На месте палатки было пусто.

-Где мои работы?! - закричал я. - Что это значит?!

Я ничего не понимал. Мы должны были поехать и только потом отплывать на нижнюю стоянку.

-Почему он оставил меня?- недоумевал я. - Может мне бежать вдоль берега на нижнюю стоянку, но по таким каменным буеракам я за три дня не доберусь. Лучше остаться на месте и жечь дымный костёр, чтоб с вертолётки заметили меня. Но где еда? где рюкзак с моими запасами? Вот негодяй! Что я сделал ему плохого? Специалист он возможно не плохой, а человека из него не получилось.

Раздосадованный я бухнулся на землю около остывшего кострища.

У меня ведь даже не было спичек, чтоб разжечь костёр. Где-то недалеко за камнями застрекотала сорока. Меня насторожило это, и я решил проверить. Под кустом в глубокой яме валялись картофельные очистки, банки стеклянные и металлические. Тут же был мешок с остатками картофеля, а рядом в зарослях крапивы я обнаружил рюкзак и упаковку с моими этюдами. Вот гад! Но хорошо, что не в реку выбросил.

Удивительно, но содержимое рюкзака было не тронут. я нашёл в рюкзаке спички, разжёл костёр и стал варить пакетный суп с добавлением картофеля. Ночь я коротал у костра под открытым небом. В городе ночное небо выглядит каким-то белёсым, а звёзды бледными. В этой далёкой тайге огромный небосвод был тёмно-тёмно синим, а миллиарды ярких золотистых звёзд усиливали тяжёлое чувство одиночества. Одному боку было жарко, а другому холодно. На рассвете холод победил и меня начало трясти. Я встал, добавил в костёр дров и принялся бегать вокруг него. Дрожь прошла, и я снова лёг спать.

Днём я постоянно подкидывал в костёр траву и ветки с листьями, чтоб было больше дыма. После обеда было слышно, как пролетел вертолёт, но курс его пролёг где-то далеко от меня. Значит всё. Почему-то Рафику стало надо, чтоб я погиб в этой прекрасной, но суровой тайге.

Глава 4

Один

С каким увлечением я когда-то читал про Робинзона и про таинственный остров. О! Как завидовал я героям этих книжек. Да они оказались в благодатных тёплых краях, но если хорошо думать головой и не лениться, наверно, можно выжить и в тайге. Главное не падать духом. Чтоб сэкономить свой провиант, я решил попытать счастье в рыбной ловле. Признаться рыбалкой я занимался со счёту раз, даже плохо знал названия рыб, но под корой сушин, которые были заготовлены для костра, я обнаружил жирных короедов, послуживших аппетитной наживкой. Стоило закинуть удочку, поплавков тут же приходил в движение и утопал. Не прошло и часа, а я уже надёргал десятка полтора довольно крупных рыбин.

Чуть выше стоянки я обнаружил маленький плотик. Он был связан тонким стальным тросом и верёвкой. Тут же был длинный шест. Ступив на плот, я оттолкнулся от берега. Сооружение сильно погрузилось в воду, но выдержало меня.

-Вот на чём я выберусь из этой глухомани,- мелькнуло у меня в голове.

Геологи, видимо, использовали этот плотик для переправы на другой берег.

Как бывалый лоцман, я доплыл до стоянки и, ловко орудуя шестом, причалил к берегу. Чтобы плот не уплыл, я между его брёвнами с силой воткнул шест. Потом для страховки ещё забил кол.

На ужин была густая наваристая уха. Костёр я перенёс к высокому камню, который защищал от ветра и отражал тепло от костра. Этой ночью мне было на много теплей, но с рассветом, когда я стал собираться в путь, стоило отойти от костра, утренний холодок пробирался под одежду. Тумана не было, но от лёгкого ветерка мёрзли руки. Надев перчатки, я стал загружать своё плавсредство. Прежде всего я загрузил сухие метровые чурки, которые были заготовлены геологами для костра. Плотик почти весь ушёл под воду, но на чурках было сухо. Из нескольких чурок я соорудил возвышение, на котором было удобно сидеть и вещи лежали на безопасном расстоянии от воды, На всякий случай я выбрал на свалке две большие жестяные банки и столько же стеклянных, ведь у меня из посуды был только котелок, кружка да фляжка. Залив костёр, я отправился в плаванье. Первое время, при активной работе шестом, плот двигался быстрее, чем текла река.

От работы становилось тепло. Иногда я садился на своеобразное кресло и любовался дивными пейзажами. Порой мне хотелось остановиться и сесть за этюдник. Я вспомнил про фотоаппарат, но в нём быстро кончилась плёнка.

Скоро мне захотелось есть. Я уже пожалел, что утром поторопился. Надо было разогреть вчерашнюю уху и вскипятить свежий чай, ведь у меня горел костёр. Если остановиться на обед, будет потеряно много времени, а мне надо как можно быстрее плыть.

Река резко повернула направо. Мне даже показалось, что она повернула в обратную сторону.

Я без хлеба съел загустевшую холодную уху и только к холодному чаю достал один сухарик. Когда уезжали геологи, то нам с Рафиком оставили целый мешок продуктов: разные банки, пакеты, мешочки, три буханки хоть чёрствого, но хлеба. Неужели он всё забрал с собой или выбросил как картошку? Но мне ничего не удалось найти.

После холодного завтрака я замёрз, но мне не хотелось двигаться. Сидя в каком-то оцепенении, я начал дремать. Чтоб сонному не свалиться в холодную воду, я лёг на жёсткие брёвна и моментально заснул.

Коварный холод не дал мне долго спать. Меня буквально трясло. Небо покрылось сплошной серой пеленой, а перед глазами летали белые мухи. Я подумал, что вижу сон, но скоро понял, что это падал первый снег. Плот прибило к заросшему ивой берегу. Сколько я тут простоял? Схватив шест, я оттолкнулся от берега и дал сам себе команду: «Полный вперёд!»

Скоро меня перестало трясти. Я согрелся и стал всматриваться в причудливые берега. Может я уже проплыл нижнюю стоянку? Там ведь можно найти что-нибудь полезное.

Сумеречное состояние погоды заставило меня подумать о ночлеге, и я причалил к скалистому берегу с глубоким ущельем поросшим, почти уже облетевшими, берёзками. Закрепив шестом плот, я ступил на необитаемую землю, чтоб найти место для ночлега. Прежде всего, меня обрадовало большое количество сухих берёзовых дров. С виду нормальные довольно толстые стволы легко ломались при ударе ногой или камнем. Видимо пролежали они уже немало лет. В одной из скал я обнаружил углубление. Пещерой его не назовёшь, но от дождя сохраниться можно. В это углубление надуло толстый слой сухих листьев. Я побоялся, что от дождя проснувшийся ручей может затопить это ложе и поднялся выше. Там журчал горный ручей, но

отвалившийся от скалы большой камень повернул его в другую сторону.

Сгрудив листья вглубь пещерки, я обложил камнями кострище и развёл огонь.

Перенеся вещи в укрытие и заготовив сухие берёзовые дрова, я присел у костра и стал рассуждать:

За целый день я проплыл не более пятнадцати километров, а Роман говорил, что вокруг на пятьсот вёрст ни души. Если даже триста километров и то чапать мне на этом утлом плотике около месяца. Раз сегодня пошёл первый снег, то через месяц будет настоящая зима. Я же совсем закоченею. А продуктов у меня только на неделю. Хорошо бы найти нижнюю стоянку и возле неё построить какое-нибудь жилище. Всё равно Роман будет меня искать. Хотя этот хитрый Рафик наверняка скажет, что я вернулся вместе с ним.

Пока я рассуждал, пошёл сильный снег, но он тут же таял. Кругом стало сыро, неприятно и темно. Пора было подумать об ужине.

Спать на перине из листьев было мягко и тепло. Правда, я всю ночь побаивался большого костра.

Глава 5

На нижней стоянке

Утром, открыв глаза, я испытал странное чувство: словно я попал на другую планету. Всё было белым бело, только кое-где были пятна или штрихи близкие к чёрному цвету. Другие цвета на этой планете не существовали. Оглядывая странный ландшафт, я заметил тёмную полосу похожую на тропу. Шагая поней, я вышел к бурлящему ручью, стремящемуся из каньона в Золотянку. На мокром песке у самой воды отчётливо просматривались следы от обуви. Обрадованный, я припустил бегом, правда не знал, в ту ли сторону бегу. Мне повезло. Тропа вывела на широкую поляну у реки. В конце поляны что-то чернело. Это была груда дров. Тут же было кострище и большой стол из жердей с двумя скамейками по обе стороны. Неподалёку у раскидистой сосны лежала лестница. Удивлённый, я подошёл к сосне и посмотрел вверх. На толстом суку был закреплён большой ящик. Поставив лестницу, я добрался до ящика, который сверху был закрыт полиэтиленовой плёнкой и засыпан снегом. Я с трудом поднял один край крышки. Ящик был изготовлен по типу старинных сундуков. Где это выкопали они такое чудо? Не из города же везли... Внутри лежали какие-то мешочки и пакеты. Значит это был лабаз. как у охотников. Проверя содержимое, я обнаружил килограмма полтора муки, пачку соли, с килограмм крахмала и пачку лаврового листа. Не богато, но на безрыбье и рак рыба.

Выглянуло солнце и словно языком слизало почти весь снег. В природе снова появились зелёные, коричневые и золотистые цвета. Я тщательно обследовал всю поляну, но кроме сломанной лопаты, да пустых консервных банок больше ничего не нашёл. Целый день я потратил, чтоб обследовать окрестности нижней стоянки.

Сначала мне хотелось построить бревенчатую избушку. Когда-то я наблюдал и даже зарисовывал, как рубят углы, но у меня был только маленький топорик и карманная пилочка, которой я иногда отпиливал забавные корешки. Около поляны не было скал, но был невысокий метра два глинистый обрыв. В этом обрыве можно выкопать пещеру. Сначала маленькую, лишь бы укрыться от холода, а потом можно углубить и расширить. Надо найти песчаник, заточить обломок лопаты и можно приступать к работе. Из крышки лабаза можно сделать двери, а полиэтиленовую плёнку использовать вместо стекла в окне. Одновременно, пока река не покрылась льдом, надо заготавливать рыбу.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается.

Нашёл я хороший кусок песчаника, но, сколько ни елозил по лопате затачиваться она не хотела. На наждаке я бы за три минуты заточил. Слыхал я, что косари раньше отбивали литовки. Найдя у реки прочный валун, я принялся колошматить по острию лопаты кромкой обуха топора. Конечно, остриё получилось зубчатое, но это не важно. Главное то, что этим обломком лопаты можно копать грунт.

Выбрав подходящее место, я стал вгрызаться в глиняный обрыв. Сначала лопата легко входила в грунт, но по мере углубления глина становилась твёрже. Когда я бросал её, она рассыпалась на мелкие кубики. Эти своеобразные сухарики упорно сопротивлялись лопате. Я уже работал в одной рубашке. Забивал лопату в неподдающийся грунт топориком. Иногда бросал лопату и просто тесал грунт как дерево топором.

С заготовкой рыбы дело обстояло хуже. Я потратил немало времени, чтобы найти короедов, но рыба почему-то не хотела клевать. Отложив удочку, я лыком прикрепил к горловине трёхлитровой банки берестяную воронку. В банку накрошил варёную картошку и сухарик.

К этой ловушке я привязал бечёвку с камнем на одном конце и обыкновенной палочкой на другом. Это сооружение с помощью плотика опустил на глубину около двух метров. Плавающая палочка указывала мне о местонахождении ловушки.

Спал и питался я всё под тем же каменным навесом в полукилометре от нижней стоянки, где начал копать пещеру.

Я уже понял, что жить мне тут придётся ни день, ни два, а целую зиму. Только в тёплую погоду можно отправляться в плаванье на поиски людей. Стараясь как можно экономнее расходовать свои скудные припасы, утром ел только жидкий кисель с рябиной или калиной, вечером уху с рыбой и чай. Вместо чая заварил как-то лист смородины, а он не пахнет. Раньше, выезжая на этюды, я часто пил фиточай, основным компонентом которого всегда были листья смородины. В чём же дело? Я подошёл к кусту, где рвал листья. Это действительно была смородина только не чёрная, а красная. В середине куста уцелело несколько кисточек кисло-сладких ягод. У реки я нашёл куст с более тёмными листьями. Ягод на нём не было, но стоило мне пошевелить куст, тут же распространился приятный смородиновый аромат. К сожалению, листья уже отмирали, но всё равно я стал пить смородиновый чай. Даже пытался засушить впрок.

В стеклянную ловушку набилось немало сорожек, окуней и уклеек. Пусть мелкая, но рыба. Главное, не надо тратить время. У меня даже появились излишки, которые я чистил, немного подсаживал и плотно заворачивал в полиэтиленовый пакет.

Ночи стали холодными, особенно зябко было перед рассветом. Я вставал, добавлял в костёр дров и, поворачиваясь с боку на бок в своём ложе, старался снова заснуть, но в голову лезли разные мысли.

Вот уже несколько дней я долблю плотную глину, но выкопал не более кубометра. Для того чтоб в подземной келье можно было укрыться от холода, надо удалить не менее пяти кубов. Нужны ещё камни, из которых надо выложить наружную стену и печку. Выше в каньоне, где огромный камень перегородил ручей, я заметил странное явление. Эта глыба, из неизвестной мне породы, под действием дождей и морозов, постепенно разрушалась на камни кубической формы. Это очень напоминало брусчатку, которой мостят городские улицы. Пожалуй, надо заготовить этот материал, а то под снегом замаешься искать.

Можно ведь сложить временную стенку под этим навесом. Очаг перенести внутрь. Будет теплей спать и меньше пойдёт дров. Может, дольше будут сохраняться тлеющие угли, мне ведь надо экономить спички. Да, будет потеряно какое-то время, но зато я не простужусь и буду лучше высыпаться. Кто знает, сколько продлится строительство подземного жилища?

Временное убежище

В этот день я не пошёл на земляные работы. Вытряхнув из мешка картошку, посчитал клубни. Девятнадцать штук. При наличии рыбы можно растянуть на две декады. Банки и пакеты ещё недели две. А что дальше?

Ну, да ладно. В лесу на горе какие-то птицы летают, надо подумать, как их заловить. Вырыв в песке под каменным навесом небольшое углубление, я сложил туда клубни и накрыл плоским камнем, чтоб не стащила какая-нибудь зверюга. С пустым мешком я отправился вверх по каньону. Камни оказались довольно тяжёлыми. Четыре камня с трудом закинул на спину. Чтоб не поднимать такую тяжесть следующий раз стал нагружать мешок на каменном уступе высотой с метр. Сделав несколько ходок, Я стал поглядывать на рябинку, которая красовалась чуть выше камня, ведь после жидкого утреннего киселя в желудке было давно пусто. Утренние заморозки превратили ягоды рябины в сладкое драже. Я был готов объесть всё дерево, но надо было работать.

- Надо обязательно заготовить на зиму и как можно больше, пока не склевали птицы, – подумал я.

Наломав букет со сладкими ягодами, я продолжил заготовку камней и при каждом возвращении к большому камню съедал по кисточке. Из заготовленной брусчатki получилась аккуратная стенка до каменного навеса. Зная, что сооружение это временное, я вместо строительного раствора пользовался обычным песчаным грунтом. Надо было натаскать ещё столько же, чтобы сложить какую-то печку с дымоходом, но у меня что-то забурлило в животе. Это проявила себя сладкая рябина. Каждый знает, какво работать с расстройством желудка. Летом можно полечиться тысячелистником, а в такую осеннюю пору оставалась надежда только на черёмуховую или ивовую кору. Отправившись вверх по реке, я скоро нашёл шикарную черёмуху, у которой возле старых покрытых мхом стволов росли и молодые. Я достал нож, чтоб наскоблить лечебной коры, но вдруг на одном, низко опущенном суку, заметил мелкие чёрные ягоды. Попробовал на зуб. Конечно, не то, что свежие, но жевать можно. Пересохшие ягоды еле держались на ветках. Осторожно, чтоб не осыпать, я набрал целый карман. Пока буду жевать ягоды, а вечером заварю чай с черёмуховой корой.

Преодолевая боль, я всё-таки натаскал камни, но дымоход у печки доделать не успел. Еду готовил в сумерках на улице. Одновременно развёл огонь в недостроенной печке. Дым сначала, не желая идти через низкий дымоход, наполнил всё убежище. Но вот всё прогрелось, дрова весело загорели, и помещение очистилось от дыма. Стало тепло, хотя одной стены у моего убежища ещё не было.

Подложив в новый камин пару чурбанов, я превосходно спал всю ночь, если не считать, постепенно стихающие, боли в животе.

Пришлось ещё немало принести камней. Очень обрадовался небольшим каменным плитам, которыми перекрыл свод камина. Одну плиту решил использовать вместо дверки, чтоб не разлетались угли. Дымоход мне удалось вывести даже чуть выше навеса. Выложил ещё одну стенку разделяющую навес пополам. Слева было моё убежище, а справа просто навес. Печка и дымоход уже были частью этой стенки. После того как было уложено ещё десятка два камней, осталось небольшое отверстие. Это был лаз в моё временное жилище. Камни у входа и часть печки для прочности я положил на глиняный раствор.

Уже в сумерках я проверил рыбную ловушку. Почти одна треть банки была заполнена рыбой. Можно сварить на ужин и на завтрак. Потом я перестроился и стал готовить еду утром, ведь в моей берлоге даже днём трудно было что-нибудь разглядеть. Разводить костёр на улице не было смысла.

Теперь я работал не голодный. Днём прервав работу, приходил в своё жилище, раздувал тлеющие угли и, затопив печку, подогревал еду. Подкрепившись, я мог работать допоздна. Выпив чаю, я вытягивался на подстилке из листьев и мог спокойно подумать.

Удивительно, но чувство паники, которое недавно буквально лихорадило меня, куда-то исчезло. За каменной стеной холодная ночь, а я лежу в тепле и, можно сказать, не голоден.

Так стоит ли вгрызаться в эту чёртову глину? Может заняться ловлей рыбы, заготовкой ягод? Что-то придумывать для охоты на птиц и зверей. У меня ведь уже есть жильё. Но это жильё как двухместная палатка, только на полметра длинней. Я двигаюсь по этому помещению на четвереньках или, согнувшись в три погибели, постоянно стучаясь головой или спиной о каменный свод. Нет, в таких условиях зимовать нельзя. Завтра с самого утра иду копать новое жилище.

Моя зелёная штормовка и чёрные брюки от глины стали совсем рыжими, но я не обращал на это внимания и работал «до

седьмого пота». По ночам стало сильно морозить, правда, на глину в вырытом углублении мороз почти не действовал. Боясь постоянных морозов, я решил соорудить стену. Мне потребовались каменные брусья, но с временного жилища, не причиняя ему вреда, я мог взять не более полутора десятков штук. Спустившись вниз по реке, я обнаружил скалу, похожую на камень в каньоне. Видимо, в половодье река подмывала скалу, разбрасывая каменные брусья по всему берегу. Не мало камней было в реке. Это своеобразное месторождение строительного материала было гораздо ближе чем в каньоне. Там же попадались валуны из твёрдых пород. Один, похожий на пест, я решил прибрать.

Жаль было разбирать лабаз, но для моего жилища нужны были двери. С помощью топорика и карманной пилки я разделил деревянный сундук на три части. Из верхней получились отличные двери с порогом, притолокой и косяками. Правда высота дверей была всего лишь около метра, но зато закрывались они очень плотно. Из стенок сундука смастерил небольшую раму для окна. Полиэтиленовой плёнкой, которой был закрыт лабаз, обтянул раму с двух сторон и вмонтировал в стену. Днище пока унёс под каменный навес и постелил вместо кровати, а то листья превратились в труху и прилипали к мокрой одежде.

Пища – дело важное

Мне уже порядком надоела уха из мелкой рыбы, Сухарики кончились, картошки осталось пять штук. Что буду делать, когда река покроется льдом? Откуда-то появились дрозды. Пошёл проверить сладкую рябину и был поражён. Вся вершина была очищена от ягод. Я наломал оставшиеся ягоды большими ветками, как веники для бани, и, стянув бечёвкой, отнёс их под каменный навес. Там на своеобразном стеллаже из тонких жердей лежала упаковка с моими этюдами и прикрытый лапником пакет с подсолённой рыбой. Расширив стеллаж, я разложил на него гроздь рябины, оборвав их от веток. Почти весь день я занимался заготовкой рябины и калины, а нахальные дрозды совсем не боялись меня и клевали ягоды совсем рядом. У меня появилась идея как-то поймать этих обжор. Мяса, конечно в них не много, но, если сварить тушки три, получится неплохой суп. Когда-то в далёком детстве мы мастерили луки и устраивали соревнования по стрельбе. Нескоро удалось мне отыскать упругий можжевельник, а когда вернулся, из под каменного навеса вылетело несколько дроздов. Вот негодяи! Они ведь все мои запасы сожрут. Пришлось срочно рубить небольшие ёлки, пихты и сооружать зелёную стенку.

На следующий день я всё-таки отправился на охоту. Дрозды, как нарочно, все куда-то попрятались. Повесив на сучёк перчатку, я решил потренироваться. Только пятая черёмуховая стрела попала в цель. Приноровившись, я стал попадать всё чаще и чаще. Правда, половину стрел растерял. Неожиданно прилетела стая дроздов. Они сели на рябину так кучно, что промахнуться было не возможно. Ура! Одна птица упала. После второго попадания стая резко снялась и улетела. Подобрал трофеи, я хотел направиться к жилью, но из леса послышалось какое-то урчанье. Двигаясь на звук, я вышел к разлапистой ели, на суку которой ворковала малая горлица. Непуганая птица совершенно не реагировала на моё появление, но мне не повезло. Я промахнулся. Возможно, стрела даже задела горлицу, она испугалась и улетела.

Супчик, конечно, получился не очень наваристый и не знаю, ел ли кто-нибудь до меня дроздов, но в этот день я убедился, что в этой глухомани можно охотиться даже без ружья. Надо к стрелам сделать жестяные наконечники. Это повысит точность полёта и убойную силу. Выбрав в мусорной яме несколько самых чистых банок, я приступил к усовершенствованию стрел. Имея под руками

ножницы и плоскогубцы, эту работу можно было сделать довольно быстро, но у меня были только нож, топор и камень. Сделав около десятка стрел, я обратил внимание на обрезок золотистой жести, который походил на маленькую рыбку.

- А не попробовать ли мне рыбачить на блесну? – подумал я.

Надо признаться, я плохо представлял, как это делается. По моему, блесну закидывают спиннингом, но ведь спиннинги появились не сразу. Много лет я носил в рюкзаке без применения коробки с рыболовными принадлежностями. Обычную тоненькую леску с поплавком и маленьким крючком я, привязав к рябиновому удилищу уже использовал, но, видимо по чьёму то совету, я держал в коробке пару больших крючков и моток лески потолще.

Сделать блесну с помощью топора и камня оказалось не так-то просто. Наконец получилась блестящая объёмная и тяжёленькая рыбка с закреплённым крючком. Привязав леску, я попытался закидывать свою снасть с помощью обычного удилища, но клевать никто не хотел. Потом я доплыл на плотике до омута, закрепился с помощью длинного шеста и стал то опускать, то поднимать блесну. Противная рыба клевать не хотела.

- Пожалуй, лучше сходить на охоту, решил я и стал сматывать леску.

Вдруг какая-то таинственная сила выдернула у меня из рук моток лески. Хорошо, что конец был привязан к шесту. Сдерживая волнение, я стал выбирать леску. Рыбина оказалась огромная. Похоже, это был судак. Вот она уже бьётся на плотике. Я умудрился придавить её и несколько раз ударил котелком по голове. Рыбина вытаращила на меня глаза и широко открывала рот, обнажая острые зубы. Вот она снова начала биться. Я снял штормовку, завернул в неё добычу и поспешил к берегу.

В следующий раз я взял мешок и не зря. За час я вытащил четырёх судаков. Они сильно бились в мешке, который был прочно закреплён на плоту. Я где-то слышал, что в некоторые блюда вместо соли выжимают сок лимона. В тайге лимоны не растут, но ведь рябина тоже кислая. Судак с рябиной получил какой-то новый необычный вкус. Так что можно экономить соль.

Но соль всё-таки пришлось тратить. Огромные рыбины, которые, как дуры, хватили мою жестянку, заставили меня приостановить строительство. Заготовка пищи тоже дело важное. По ночам сильно морозило. Кое-где на мелководье появлялся ледок, но днём было ещё довольно тепло. Я боялся, что заготовленная рыба испортится и для профилактики её слегка подсаливал. Скоро река покроется льдом и до рыбы мне будет не добраться.

Почти каждый день я ходил за дровами. Когда попадалось много сушняка, вытаскивал его на видное место ближе к тропинке. Иногда обнаруживал живописные картинки и подолгу любовался ими. Как-то увлёкся и прошёл километра два. Продираясь через молодой ельник, я спустился в просторную низину свободную от деревьев и кустарников. Средина этой низины, похожей на болото, почему-то имела красноватый оттенок. Любопытство позвало меня вперёд. Когда под ногами захлюпала вода, я хотел повернуть обратно, но на одной из кочек заметил, словно капельки, ярко-красные ягоды. Как маленький ребёнок, тут же попробовал на вкус. Да это же клюква! Ни разу в жизни мне не доводилось собирать клюкву. Посуды у меня никакой не было, и я достав нож осторожно нарезал букет с красными ягодами.

По дороге к своему жилищу я заготовил бересту и вечером при слабом свете от печки смастерил лукошко. Дня через два крепко заморозило, и я поспешил за клюквой. Болото застыло и, спокойно бегая среди кочек, я быстро набрал полное лукошко. Клюква – это витамины. Не зря её дают больным. Ягод на болоте было много, и собирать их не так уж сложно. Только вот как и в чём её хранить? Долго пришлось мне повозиться, чтоб смастерить из бересты что-то наподобие короба. Дожди больше не ожидалось, и застывшие целебные ягоды я не понёс под каменный навес, а оставил у землянки, прикрыв еловым лапником.

Глава 8

Новоселье

Вот уже несколько дней я обживаю новое помещение. Оно, конечно, ещё не достроено, но на много комфортнее норы под каменным навесом. Я даже могу ходить во весь рост. Пусть не ходить, но шага два вполне можно сделать. А главное есть окно. Правда через него не видно, что творится на улице, зато в помещении светло, а днём, когда среди свинцовых облаков появляется осеннее солнце, в землянке становится уютно, как в настоящей горнице. Из днища лабаза хотел сделать стол, но пока постелил его на глиняный топчан. Не могу ведь я сидеть или спать на влажной холодной глине. Стол пока сделал из большого прямоугольного камня, который я еле прикантовал с реки. В горнице обязательно должен быть стол, да и я не совсем ещё одичал.

Вечереть стало совсем рано. В темноте лежать без дела как-то было не резонно. От печки, частично прикрытой каменной плитой, падал слабый красноватый свет как раз в то место, где я должен копать нишу для дров. Пилить дрова на короткие чурки мне было нечем. Пока не было снега, я сжигал мелкий валёжник и только на ночь закладывал чурки, заготовленные геологами. Потом, удлинив печку, я перейду на длинные дрова, следовательно, и ниша должна быть глубокой. Сняв рубашку, я допоздна долбил неподатливую глину и складывал рядом с печкой у самых дверей.

Просыпался, когда моё окно начинало чуть светиться слабым матовым светом. Прежде всего, отыскивал в печке тлеющие угли, раздувал их и разводил огонь. Потом открывал настежь двери и выбрасывал всю накопанную с вечера глину. Нароботавшись, я завтракал, подбирая остатки вчерашней пищи, и отправлялся на охоту. Дрозды меня уже не интересовали. Я научился легко добывать рябчиков и голубей. Голубей не мелких, а крупных. Кажется, они называются вяхирями. А самое главное то, что я научился их быстро и вкусно готовить. Оказывается совсем не надо мучиться ощипывать птицу. Достаточно её выпотрошить, отрубив лапы и голову, немного посолить, положить внутрь каких-нибудь ягод, обмазать глиной и часа на два зарыть в горячую золу. Сверху можно жечь дрова и кипятить чай. Засохшая глина легко отпадает вместе с перьями отпеченного мяса, которое благодаря ягодам приобретает приятный вкус.

Иногда я ходил с блесной на омут, но клевало плохо. толи рыба стала хитрой, толи всю выловил. Надо признаться, ходить на

охоту было гораздо приятней и полезней. Выискивая дичь, я одновременно изучал окружающую меня местность и приносил сухие дрова.

По небу одна за другой торопились тяжёлые свинцовые тучи. Под ногами гулко стучала замёрзшая земля. На реке у берегов уже давно был лёд. Я разобрал плотик и с помощью верёвки, которой он был связан, по брёвнышку перетащил его в безопасное место. На берегу, хоть как его не укрепляй, в половодье всё оборвёт и унесёт с потоком воды. У меня же одна надежда выбраться из этой глухомани на плоту.

В моё окно уже несколько дней не заглядывало солнце, зато резко барабанил холодный ветер, испытывая на прочность полиэтиленовую плёнку. А в моём жилище было довольно тепло. Я спал в одной рубашке, ничем не накрываясь. Если становилось прохладно, просыпался и подкидывал в печку дров. Печка скоро начинала потрескивать и я, уверенный, что до утра сохранятся угли, продолжал спокойно спать.

Пришла зима

Ветер стих. Я ожидал потепление, но ошибся. Распахнув двери, я увидел совершенно белую картину. Кратковременный снег уже выпадал, но в мою дверь ворвались клубы морозного пара. Я спешно выкинул накопанную с вечера глину и закрыл дверь, потом, одевшись, взял котелок и отправился на реку за водой. К моему удивлению, река за одну ночь покрылась льдом. Сначала я стукнул по льду котелком, потом топнул каблуком, но лёд не поддавался. Решил сходить за водой на ручей. Но, обычно говорливая речушка, тоже была скована льдом и молчала, только откуда-то сверху из-за зарослей ивняка доносилось монотонное шипение. Пройти туда было не просто, но любопытство взяло верх. Я даже не знал, что рядом со мной был такой красивый водопад. Образовавшийся по краям лёд и сосульки придавали ему особую северную красоту. Прежде всего, я прорубил к нему тропу, а потом, отбросив все дела, уселся за этюдник.

За свою жизнь я никуда далеко не ездил и, конечно вживую водопады не видел. Как мне повезло! Настоящий водопад, да не простой, а с сосульками, с великой радостью я выписывал не рукотворное чудо природы. Через неделю водопад покрылся ледяным панцирем, но я часто подходил к нему и разговаривал, как с живым существом.

Наконец закончены земляные работы. В нишу можно уложить запас дров на несколько дней. Переложил печку. Теперь в ней можно сжигать длинные около метра дрова. На улице мороз, а у меня тепло. Но вот меня стала донимать высохшая и постоянно осыпающаяся глина. В полу моего жилища я сделал углубление, постелил в него остаток полиэтиленовой плёнки. Эту своеобразную ванну я наполнял снегом. Когда снег превращался в воду, я пихтовым веником брызгал на глиняный свод и потом трамбовал его каменным пестом, который подобрал на берегу. Утрамбованная и затёртая глина становилась прочнее и не осыпалась. Из-за недостатка воды отделочные работы затянулись, зато потом я мог лежать на топчане с открытыми глазами, не боясь их засорить. Топчан покрыл деревянными брусками, вытесанными из стройных ёлочек, а из днища сундука сделал настоящий стол. Для приготовления пищи я тоже пользовался снеговой водой.

О! Как соскучился я по хлебу. В моих запасах хранилось немного муки, но я никогда не пёк хлеб и боялся испортить этот ценный продукт. Когда-то от матери я слышал, что они в голодный год пекли хлеб с берёзовыми опилками. Но какой прок от опилок? Вот под берестой есть слой, по которому идут все питательные вещества, нужные для дерева. Я решил, что этот слой намного полезней опилок и наскоблил его чуть не полный котелок. Высушив собранное сырьё, я долго ломал его руками, а потом растирал камнем в котелке. Без сита очень трудно было отделить мелкий порошок. Для пробы я набрал одну треть семисотграммовой банки и залил тёплым клюквенным отваром, чтоб берёзовая мука размякла. А причём клюква? Да, при том, что у меня не было ни дрожжей, ни соды, которые обычно кладут в тесто. Может кисленькая клюква как-то подействует на мою суррогатную квашонку. Часа через два добавил туда муки, немножко соли, хорошо перемешал и ещё подождал около часа. На весело горевшей печке лежала ровная каменная плита. Вот на неё и стал я шлёпать ложкой небольшие лепёшки из необычного теста. Лепёшки зашипели и стали немного пыжиться. Боясь, что мои лепёшки пригорят, я схватился за нож и стал их переворачивать. Запахло хлебом. Конечно, лепёшки были жестковаты, но очень напоминали мамины оладьи. Это для меня был настоящий праздник.

Всё глубже и глубже становится снег. Трудно стало ходить на охоту. Мороз тоже давал о себе знать. В кирзовых сапогах даже с шерстяными носками мёрзли ноги. Как же в них воевали солдаты? Порой не хотелось из землянки высовывать носа, но я говорил себе: «Надо!» и шёл на промысел.

Около осинника было много заячьих следов. Я повалил пару осинок, и ушастики устроили столовую. Как-то мне удалось незаметно подойти близко к трапезе и выстрелить в одного зайца из лука, но косой удрал вместе со стрелой.

Когда-то где-то я читал, что на зайцев ставили петли. Из чего же делали эти петли? Леску, мне показалось, они могут перегрызть. Вспомнив о стальном тросике, я принёс его домой и стал расплетать. Из тонких пружинящих проволочек вполне можно сделать хорошие петли. Чтоб не мучиться на морозе, я принёс в землянку длинную осиновую палку и привязал к ней около десятка петель. Потом палку положил в заячью столовую, расправил петли и рядом набросал аппетитные осиновые ветки.

На следующий день я пошёл проверить петли. Скрип снега под моими сапогами распугал зайцев, но кто-то отчаянно бился на

утрамбованном снегу. Один бедняга всё-таки запутался в моей ловушке. Я не буду рассказывать как дальше разделался с этим несчастным животным, ведь я до этой поездки никого, кроме мух да комаров не убивал.

Оказывается, зайчатина очень вкусна. Я никогда раньше не пробовал её. Теперь можно было чередовать птицу, рыбу, зайчатину, а иногда даже баловать себя лепёшками.

Всё складывалось нормально. Я научился, не разрезая чулком снимать с зайцев шкурки, сушил их на специальных пяльцах и потом долго и упорно мял. Из шкурок смастерил двойные, с мехом внутри и снаружи, тёплые чулки. Но, если ходить в них то по снегу, то по глиняному полу, они быстро придут в негодность. Когда-то мать мне рассказывала, как в войну носили стёганки с галошами, Но где взять галоши? Может сплести из бересты что-нибудь вроде лаптей. Ещё, учась в начальной школе, в кружке «Умелые руки» мы мастерили из бересты разные шкатулки. Между шкатулкой и обувью, конечно, большая разница, но зря что ли я много лет работал конструктором. Несколько дней я плёл, расплетал, выдумывал, корректировал и, наконец, получилось. Это были не галоши и не лапти, а что-то вроде бот, которые легко надевались на меховые чулки. Тепло, легко и удобно.

Снегу навалило столько, что стало невозможно ходить на охоту. Долго думал над тем, как сделать лыжи, но решил, что это не осуществимо. Сплёл из ивы примитивные снегоступы и попробовал ходить по снегу. После испытаний сделал более прочные и удобные. Оказывается и глубокий снег мне не страшен.

Очень хотелось добыть крупную птицу: глухаря или хотя бы тетерева, но они вели себя намного осторожней. Один раз я пустил стрелу в зазевавшегося косача и даже, кажется, попал, но, увы, крупная птица улетела. После этого я переделал лук, найдя более упругий можжевельник, однако удача мне не улыбалась.

Больше всего я боялся, что помру с голоду, но оказывается, если не лениться, то можно и в экстремальных условиях найти пищу. К запасам рыбы я постоянно добавлял то зайчатину, то рябчиков, то голубей. Если не попадали крупные, стрелял даже малых горлиц.

От безделья стал лепить из глины разные фигурки. Начал с животных, за ними появились маленькие человечки в различных позах. Потом увлёкся масками. Таких страшилищ налепил, что порой, глядя на них самому становилось страшно. Неожиданно получилась смеющаяся голова Рафика в тирольской шляпе.

Закончив голову, я сделал вывод, что смех его был не естественным, а наигранным. Долго не мог добиться, чтоб изделия не трескались при обжиге. При наличии глазури я бы наделал разную глиняную посуду.

Занимаясь самыми разными делами, я не редко обдумывал серьёзные жизненные вопросы. Когда появилось свободное время, стал записывать результаты своих размышлений, но чаще брал бумагу и делал скупые записи вроде дневника.

Глава 10

Испытание

Всё шло хорошо. Но вот природа решила меня испытать. После сильных морозов, в которые я старался не высовываться из своего убежища, поднялась страшная метель. За ночь к дверям надуло такой сугроб, что я с трудом смог выбраться наружу. Почему-то словно назло стали кончаться дрова и мясо. Взяв лук со стрелами, топор и верёвку, я отправился в лес. Порывы ветра сбивали с ног, мешали переставлять снегоступы. Птицы, конечно, все попрятались, а на месте заячьей столовой был снежный сугроб. Надо идти с лопатой, чтоб откопать осину с петлями. Хорошо, что ещё до глубокого снега я заготовил берёзовые валёжины. Накинув на один ствол верёвочную петлю, я побрёл к своему жилищу. Закоченев от холода, я с трудом разрубил валёжину на поленья и скидал их в землянку. Положив в прогоревшую печку одно полено, я, не раздеваясь, лёг на топчан и предался грустным мыслям.

Я уже сожалел, что поехал в эту экспедицию. Работал бы сейчас на новом месте. Может, помирился бы с Маей, ведь мы не плохо жили с ней больше месяца. Какая приятная была у ней постель! А сама Мая ещё приятней. Мы собирались узаконить наши отношения, но приехала из отпуска её мать, Регина Семёновна и я понял, что ей нужен совсем другой зять с квартирой и высокой зарплатой. Её буквально раздражало моё увлечение рисованием. Вот у её знакомой сын пишет в гастрономе ценники и может достать там любые продукты. Я нагрубил будущей теще. Мая, которая совсем недавно восхищалась моими этюдами, стала на её сторону. Такого лицемерия я не выдержал и, хлопнув дверь, ушёл в свою общагу.

Вот сдохну в этом склепе, и никто не будет знать, куда я делся. Больше всех будет переживать моя мать. Думал, когда перейду на новое место напишу ей, а вышло вон как.

Тоскливые думы ещё долго терзали мою душу, пока я не заснул.

Через какое-то время я заставил себя подняться, чтоб добавить в печку дров и снова бухнулся на топчан. Мне не хотелось ни есть, ни двигаться, ни думать. Я даже не знаю, сколько я пролежал в этом тупом оцепенении. Стало холодно. Мне казалось, что в холоде я скорей уйду в иной мир. Вдруг что-то заставило меня открыть глаза. Через окно, на половину занесённое снегом, надо мной смеялось золотистое солнце. Какая

**глупость лежать в подземелье и ждать смерти, когда наверху
вовсю сияет солнце!**

**Печка давно прогорела и даже остыла. Что я наделал! Ведь у
меня осталось всего две спички. Схватив топор и верёвку, я
бросился за дровами, но не тут-то было. Двери оказались, словно
заколоченными. Я со злостью стал бить по ним пяткой, но это не
дало ни какого результата. Вот как здорово завалило двери
снегом. Пришлось применить топор. От ударов обухом
образовалась небольшая щель. После долгих стараний я смог в
самом верху, где было видно небо, просунуть наружу руку. От
лабаза у меня осталась маленькая дощечка, которую я
использовал, как разделочную доску. Вот ей и стал я отгребать
снег просунутой левой рукой. Понемногу, но дело получалось.**

**Наконец, мне удалось выбраться на волю, и с помощью
лопаты я капитально расчистил двери, окно и небольшую
площадку перед землянкой. Теперь можно отправляться за
дровами, но вдруг я почувствовал страшный голод. Я отыскал
последнюю банку из своих запасов, торопливо вскрыл её и с
жадностью стал уплетать. Каким вкусным показался мне «Завтрак
туриста»!**

**Собирая сухарник, я запоминал ёлочки, из которых можно
сделать защиту от снежных заносов у дверей. Кто знает, что ещё
выкинет природа.**

**В лесу попискивал рябчик. Я бросил дрова у землянки, взял
лук, стрелы и поспешил на охоту. Теперь лес был совершенно
другим: красивым, живым и приветливым. На вершинах деревьев
питались семенами клесты. Внизу их объедки собирали синицы.
Где-то барабанил дятел. Свежий снег блестел на солнце и слепил
глаза. До сумерек я успел добыть одного рябчика и крупного
голубя. Вечером в моём жилище было тепло и пахло печёным
мясом. Мне стало ужасно стыдно за моё недавнее малодушие.
Что бы ни случилось, как бы ни было трудно, я должен выжить.
Выжить и показать людям эту суровую таёжную красоту. Вот
отпустят морозы, и начну писать зимние этюды.**

Дальний поход

Днём по-весеннему грело солнце. Мокрый снег налипал на снегоступы и было трудно ходить. Я вставал рано и по насту пробегал большие расстояния. Снегоступы носил в рюкзаке на всякий случай. Мне везло с охотой, как на боровую дичь, так и на зайцев. К сожалению, мука уже кончилась, и я больше не мог побаловать себя берёзовыми лепёшками.

Спрятанные под белым снегом река и лес не вызывали у меня художественных эмоций. Я подолгу крутился вокруг небольших скал, пытаюсь выбрать интересную композицию, но всё было банально.

Мне казалось, если пройти километров пять или десять точно на север, то можно выйти к тому красивому месту, где началась моя экспедиция.

Чтоб не лишиться огня, я полностью загрузил печку толстыми дровами и до рассвета отправился в путь. В полутьме я миновал знакомые места. Неожиданно меня напугала крупная птица, шумно слетевшая с дерева, под которым я проходил. Я вздрогнул, а птица оказалась смелой и уселась на соседнее дерево. Помоему это был тетерев. Жаль, что я не взял лук.

Наст был таким твёрдым, что даже не было видно моих следов. Пришлось топориком вырубать заметки на снегу, чтоб потом найти обратный путь. В одном месте мне попали срубленные топором деревья. Словно была расчищена просека. Значит тут кто-то ходил. Удаляясь от реки, я поднимался всё выше и выше. Среди леса стали попадать огромные камни и скалы. Неожиданно я вышел на плоскую поляну, за которой простиралась огромная низина. Местами из синеющего леса возвышались скалы присыпанные белым снегом. В утренней дымке поднимался красный шар солнца. Моё внимание привлёк силуэт скалы в контровом освещении. Да это же скала нависающая над Золотянкой. Если б не белый снег, я бы сразу узнал то место, где высадил нас вертолёт. Значит, я был прав, что река делает разворот в обратную сторону. Оглядевшись, я быстро сориентировался и нашёл то место, куда меня первый раз привёл Роман. Надо было успеть набросать этюд суровой тайги с красноватым шаром солнца. На большее у меня уже не было времени. Чтоб не лишиться огня, я поспешил к своему жилищу. Последние километры шёл на снегоступах. Солнце поднялось, разогрело наст и ноги стали проваливаться. В землянке было жарко. Я открыл настежь двери и заглянул в печку. Там ещё тлели головешки. Вовремя вернулся!

Глава 12

Весна

С каждым днём уверенней заявляла о себе весна. Тени стали резкими, почти синими. Солнце так слепило глаза, что пришлось из бересты сделать солнцезащитные очки с узенькими щелками. Первыми освобождались от снежного плена древние скалы. В лесу начали бормотать косачи, и даже удалось наблюдать турниры глухарей.

Захотелось мне попробовать глухариного мяса. Было ещё темно, когда я отправился с луком на токовище. По дороге я наломал охапку лапника, который постелил под ёлочками на краю токовища. Став на колени, я стал ждать. Начало светать, а птицы не появлялись. Вдруг слева что-то треснуло. Через несколько секунд боковым зрением я увидел большую лохматую овчарку. Я не мог понять, откуда в глухой тайге взялась собака. Наконец до меня дошло, что это волк. Неожиданно зверь остановился. Я на всякий случай навёл на него стрелу. Покрутив головой, волк уставился на меня большими блестящими глазами. Мне стало жутковато, и я попытался натянуть тетиву, а хищник сделал резкий прыжок и мгновенно исчез. Вот это встреча!

Оглядываясь, я долго размышлял над увиденным, а глухарей так и не дождался. Возможно, они обнаружили серого разбойника и перенесли своё брачное мероприятие в другое место.

Всё больше появлялось проталин. В каньоне снова жизнеутверждающе зашумел освободившийся от ледяного плена водопад. Мне надоело пить чай из снеговой поды и я, взяв две стеклянные банки, по утреннему насту пришёл к водопаду.

-Здравствуй, дружище! - сказал я подставив руку под холодную струю. – Ну как, перезимовал? Я, кажется, тоже. Ещё немного и я поплыву отсюда домой. Хотя, признаться, у меня и дома-то ещё нет. Молодой специалист с окладом сто десять рублей и койка в общежитии, а ведь мне уже четвёртый десяток идёт. Наверно пора уже копить на кооперативную квартиру, но как копить, если зарплаты инженера едва хватает, чтоб прилично одеться. Возможно, мать Майи в чём-то права. Надо как-то зарабатывать деньги. Везде требуются дворники. Можно рано утром и поздно вечером работать, но инженеров не берут. Инженерно-техническим работникам разрешается только преподавательская подработка. Может сходить в подшефную школу, где я показывал ребятам свои работы. Вдруг им требуется преподаватель черчения или рисования. А писать ценники в гастрономе за какие-то подачки –

это ниже моего достоинства. Мы пережившие годы войны с презрением относились к работникам торговли и общепита, считали, что большинство из них не чисты на руку.

Да, возможно я не пробивной, зато сейчас у меня есть такие замечательные этюды. Если над ними хорошо поработать, то получится целая серия интересных работ, с которыми не стыдно будет участвовать в любой выставке.

Пока вода была чистая, я почти ежедневно ходил к водопаду и разговаривал с ним, как с хорошим другом, но вот сильно потеплело. Снег стал проваливаться, потекли ручьи и по каньону понёсся бурный, мутный поток. На реке вдоль берега появилась полоса воды. Пройдёт ледоход, и можно будет ловить рыбу. Когда-то в деревне я видел плетёные из ивовых прутьев ловушки. Там их называли мордами. Пока было время, я решил сам изготовить такую ловушку. Конструкцию в целом я представлял, но отдельные элементы и технологию плетения надо было разрабатывать самому.

Пока не разлилась река, я на берегу нарубил несколько охапок лозы.

Более часа я крутил и вертел ивовые прутья, пытаюсь что-то сотворить, но ничего не получалось. Деревенские мужики запросто плетут эти морды, а я инженер ничего не могу сделать. Позор! Ведь надо сплести всего лишь две воронки. Одну большую другую поменьше. Маленькую вставить в большую и прочно скрепить их края.

Я стал думать не с позиции конструктора, а как технолог и тут же меня осенило. Надо сделать приспособление, чтоб закрепить основания прутьев. На подсохшей площадке перед землянкой я нарисовал круг диаметром около полуметра. По окружности стал втыкать заготовленные метровые прутья на расстоянии около двух сантиметров друг от друга. Получился частокол. Чтоб укрепить частокол, я переплёл его тонкими ветками и превратил в плетень. Кверху сооружение я сузил. Саму макушку переплестать не стал, а просто стянул шпагатом. Шпагат развязывают, когда вытряхивают рыбу. Таким же образом я изготовил воронку поменьше. Только узкое отверстие у неё оставил открытым для прохода рыбы. Маленькую воронку вставил в большую и обмотал края тонкими ветками. Вот и морда готова. Можно ставить в реку, а лучше в какой-нибудь приток. Я видел, как деревенские мужики перегораживали протоки соединяющие озёра с рекой, оставляя узкий проход, в который ставили такие морды и были с рыбой. Проверять чужие морды считалось самым гнусным делом.

Солнце грело всё сильнее. Я уже ходил в одной рубашке по подсохшему берегу. Вдруг раздался страшный треск, потом ещё и ещё. Лёд на реке, словно ожил. Раскальваясь на отдельные льдины, он двинулся вниз по течению. Внизу что-то препятствовало, а сверху лёд всё напирал и напирал. Огромные льдины громоздились друг на друга, а некоторые поменьше аж ставали на ребро. Быстро стала прибывать вода. С замиранием сердца я впервые наблюдал такое динамичное явление природы. Через два дня лёд прошёл, но отдельные, где-то задержавшиеся льдины продолжали плыть по полноводной реке.

Отовсюду доносилось разноголосье пернатых певцов. Вдоль реки шумно хлопотали дрозды. У меня кончилось мясо, но стрелять дроздов мне не хотелось.

Взяв лук и стрелы, я направился в лес, где в ранние часы ещё продолжали токовать глухари. Пройдя с километр, я спустился в заболоченный распадок. Кое-где ещё белел снег. В огромных лужах отражались белые стволы берёз. Боясь промочить ноги, я поспешил покинуть низину. Вдруг из-под разлапистой ели с шумом вылетела огромная птица, сильно напугав меня. Не успев разглядеть, я сразу потерял её из виду. Наверно это был глухарь. Почему-то я заглянул под ёлку и обалдел. Там было большое гнездо с крупными кремовыми с бурыми пятнами яйцами. Значит, это была самка глухаря. Яиц было около десятка. Мне страшно захотелось поесть варёных яиц. Сложив в карманы половину яиц, я задумался над тем, какой вред приношу экологии. Раз гнездо уже потревожено, глухарка всё равно бросит его. Весна в самом разгаре и птицы ещё успеют построить новое гнездо, отложить яйца и вывести потомство. Вот если я убью самку, птенцов уже не будет. Забрав все яйца, я пошёл домой. С каким аппетитом я ел новое кушанье!

Я очень сожалел, что в фотоаппарате кончилась плёнка, правда не был уверен в своём умении фотографировать. Не каждому горожанину удалось видеть гнездо глухаря. На следующий день я не взял лук, но прихватил с собой лукошко и альбом с цветными карандашами.

Ярко светило солнце. Радостно заливались пернатые певцы. На лужайках от лёгкого ветерка колыхалась трепетная ветреница. Вдруг что-то мелькнуло на стволе черёмухи. Осторожно подойдя к дереву, я увидел зверька похожего на белку, но с маленьким хвостиком и тёмными полосами на спине. Зверёк не выразил никакого испуга, даже напротив, стал с любопытством разглядывать меня. Конечно, это был бурундук. Без резких

движений я достал из рюкзака альбом с карандашами и стал рисовать. Любопытный зверёк менял позу, перемещался по суку черёмухи, но не собирался убежать. Сквозь птичий хор до моего слуха временами доносился какой-то странный звук, похожий на глухое ржание. Я заканчивал уже третий рисунок, когда мимо меня из густых зарослей ельника, сотрясая землю, пробежал огромный лось. Испугавшись, я даже не запомнил, как он выглядел. Только усвоил, что рогов у него не было. Скорей всего это была лосиха. Бурундука на черёмухе уже не было. Сунув карандаши в карман, я направился в сторону ельника. За невысокими ёлочками покачиваясь на длинных ногах, стоял маленький лосёнок. Несуразно сгорбленный, он хлопал большими глазами на большой голове. Я совсем не знал, как ведут себя лосихи с детёнышами, но не удержался и стал рисовать это чудо природы. Постоянно оглядываясь, чтоб не попасть под копыта матери, я выполнил хороший рисунок юного обитателя тайги.

Гнёзда с яйцами в этот день я не нашёл, но позже нарисовал несколько гнёзд и даже набросал тетерева с его необычным хвостом. Оказывается, рисовать животных и птиц очень интересно. До этого мне доводилось рисовать с натуры только лошадей и коров. Одновременно я занимался заготовкой яиц. Кроме глухариных мне попадали гнёзда тетеревов и рябчиков. Иногда попадали яйца с зародышами, но я не выбрасывал их, а оставлял для приманки рыбы.

Наваленные мной груды глины только начали подсыхать, а наверху над обрывом давно уже было сухо. Я часто поднимался туда по вырытым в обрыве ступеням, садился на сухую прошлогоднюю траву и часами любовался просыпающейся природой. Иногда я ложился на уже нагретую весенним солнцем лужайку и, глядя на проплывающие облака, размышлял о смысле жизни.

Поднявшись в очередной раз на обрыв, я заметил среди пробивающейся яркой зелени небольшие стерженьки.

- Да это же пистики! – воскликнул я.

Когда-то в далёком детстве мама готовила из них селянку. Я быстро сбегал за посудой, набрал эти ранние витамины и принялся готовить кушанье. Очистив пистики от чешуек, я их мелко порезал и поставил варить. Не много поварив, залил яйцами. Не знаю, из чего состояла мамина селянка, но в те послевоенные годы это было очень вкусно. В моём кушанье наверно не хватало молока и соли, но всё равно это было что-то новое и полезное. Потом пошла в ход подрастающая крапива и

снуть, которую в народе называют пиканами. Пил я берёзовый сок и даже селянку готовил на нём. Снег почти весь уже растаял, а ручей был ещё мутным.

Постепенно вода в реке стала светлеть и начала спадать. Я умудрился с помощью длинного шеста поставить морду в реку, но рыба проигнорировала мою ловушку. В поисках лучшего места для установки морды, я направился вниз по реке. По срубленным кустам я понял, что тут ходили геологи. Скоро мой путь преградила скала. Она была похожа на ту скалу у верхней стоянки. что нависала над рекой. только была значительно меньше. Река билась в скалу и поворачивала налево. Летом наверно был проход между рекой и отвесной скалой, а теперь, чтоб пройти дальше, надо было обойти или подняться на скалу. Мелкие берёзки и сосенки покрывали каменистый склон, а на вершине каким-то чудом выросла довольно крупная сосна с кривым стволом. Сухая трава, присыпанная прошлогодними листьями, шуршала под моими ногами, когда я карабкался вверх. С вершины скалы было видно, как река уходит налево, а за скалой вытянулся почти параллельно реке какой-то водоём. Кажется, это была старица. Осторожно спустившись по другую сторону скалы, я стал пробираться к водоёму, но заросли мелколесья и талая вода заставили меня повернуть к реке, где я нашёл продолжение тропы, по которой вышел к протоке, соединяющей старицу с новым руслом. В самом узком месте даже сохранились перила от мостика. На старице то и дело раздавалось кряканье уток.

На следующий день я снова пришёл на это место, прихватив с собой морду и топор. Срубив три осины, я восстановил мостик. Забивая с мостика колья, я соорудил запруду. В средину запруды установил свою ловушку. На всякий случай бросил в неё уже протухшее яйцо с зародышем.

Мне уже надоели яйца и через сутки, сгорая от любопытства, я бегом прибежал к протоке. В морде оказалось около десятка рыб. Я узнал красноперых окуней, золотистых карасей, крупную сорогу. Какие-то ещё крупные, но не знакомые мне рыбыны, попали в мою ловушку. Бедные рыбки, наверно, шли нереститься, а их поймали. Какая жестокая жизнь, но ведь я должен что-то кушать.

Ночи были ещё очень холодными, но всё равно надо было готовиться к отплытию. Из целой ёлки я вытесал длинное весло и сушил на солнце, чтоб оно стало легче. Чтоб рукоять была гладкой, почти каждый день скоблил её стеклом разбитой балки. За этим занятием застала меня первая весенняя гроза. Вместе с

веслом я убежал в свою землянку. Дождь хлестал с такой силой, что я стал побаиваться за свою каменную стену на глиняном растворе. Без конца сверкали молнии, а гром гремел с такой силой, что вздрагивала земля. Но вот шум дождя стих. Я открыл дверцу. Грозная Чёрная туча, на фоне которой всё ещё вспыхивали молнии, уходила направо, а слева небо уже очищалось. Удары грома постепенно стихали. Глина у входа в землянку так размокла, что было страшно выходить. Я лёг на топчан и стал ждать , когда подсохнет.

Глава 13

Пожар

Выглянувшее солнышко быстро подсушило глину, я осторожно выбрался из землянки и отправился проверить морду. Птицы своим пением прославляли умытую природу. Пахло озоном. У меня тоже было какое-то облегчённое состояние. Я резво шагал по влажной тропинке, перепрыгивая в тенистых местах не большие лужи. Подходя к скале, я почувал запах дыма. Неужели люди, обрадовался я. Выйдя из леса, я ужаснулся. Весь склон перед скалой дымился. Кое-где играли языки пламени. На вершине скалы полыхал жёлто-красный факел. Видимо, в сосну шандарахнула молния.

- Вот что надо рисовать! – мелькнуло в моей голове. – Надо срочно бежать за этюдником. Такое увидишь не часто.

Ветра не было, но огонь подсушивал прошлогоднюю траву и медленно, но уверенно двигался в сторону леса. Вдруг мне стало страшно, ведь если загорит тайга, то выгорят тысячи гектар. Я попытался затоптать пламя сапогами. На время огонь погас, но скоро жёлто-красное пламя вернулось на прежнее место. Надо было срочно спасти тайгу. Но как её спасти, если у меня даже нет ведра?

Я помчался к своему жилищу, схватил лопату, топор, в мешок, в который я должен был складывать рыбу, на всякий случай положил трёхлитровую банку. Когда я прибежал к месту пожара, сердце моё колотилось, как молот. Отдышавшись, я принялся сгребать лопатой горевшую сухую траву и бросать её в сторону пожарища. Мелкие деревца срубал и бросал догорать. Но вот на пути попала толстая неподъёмная валёжина. Её комель и вывороченные корни вовсю полыхали, а вершина лежала под высокими елями. Сбегав с банкой за водой, я притушил пламя и стал огибать валёжину, отбрасывая горящую траву. Раз пять пришлось мне сбегать за водой, чтоб потушить пламя. Обогнув шипящую валёжину, я двинулся дальше по краю пожарища. Сделав противопожарную полосу доверху, я оглянулся и снова увидел пламя на валёжине. Пришлось ещё носить воду. За перевалом преобладали крупные камни без растительности, и огня там почти не было.

Оставив лопату, топор и банку, я всё-таки сходил на протоку и не зря. Рыбы оказалось много. Даже попала одна щучка. Когда я вернулся на скалу, там уже всё догорело, только кое-где дымилась

корни. Сосна, недавно украшавшая вершину, тоже дымилась и была похожа на израненного командира после боя.

Придя в своё жилище, я обнаружил, что у меня потух очаг. Я же думал быстро сбегаю за рыбой и дров не добавил. Спичек у меня больше не было. Оставалась одна надежда: найти огонь на пожарище. Но как его принести? Я взял котелок, предварительно доев остатки вчерашнего супа, сунул на всякий случай в карман бересту и отправился за огнём. Солнце уже село. Почерневшая гора зловеще дышала гарью. Дыма было много, а вот открытого огня не было видно. Наконец я нашёл пенёк, который изредка светился слабым пламенем. С помощью бересты мне не составило труда развести на пожарище костёр. Совсем недавно тушил и снова разжигаю. Это просто какое-то издевательство. Когда костёр разгорелся, я вытащил из него несколько головешек и сунул в котелок. В котелке головешки почему-то гореть не хотели. Несколько раз я перекладывал их, то в котелок, то снова в костёр, но ничего не получалось. Сбежав под ели, я набрал целый котелок шишек и высыпал их в костёр. Разгоревшиеся шишки палкой сгрёб в котелок. Шишки, к моей радости, продолжали гореть. Прежде чем бежать домой, я ещё сбежал к елям и наполнил карманы шишками, чтоб по дороге подкладывать в переносный костёр. Предохраняя руки от огня, я котелок нёс на палке с сучком.

Когда в моём жилище затрещала печка, я почувствовал страшный голод. При слабом свете от печки я почистил несколько рыбин и поставил варить. Соли у меня уже не было. Накануне готовил рыбный суп с крапивой и снытью. Деликатес, конечно, сомнительный, но есть можно. Вместо чая заваривал почки сосны, берёзы и смородины. В темноте искать крапиву и щипать почки мне не захотелось.

В ожидании ужина я растянулся на топчане и задумался над тем, что бы было, если я не пошёл за рыбой. Сколько бы лесу выгорело! Огонь мог дойти и до моей стоянки. Землянка, может, и не пострадала, а вот сухие брёвна для плота точно сгорели бы.

Даже утром меня не покидали мысли о пожаре. Взяв этюдник и краски, я снова пришёл на пожарище. Всё ещё пахло дымом. Мне надо было представить картину, которую я увидел после грозы. Установив этюдник, я принялся за работу. Мне казалось, что краски сами ложились в нужном месте и соответствующего оттенка. Я работал быстро, легко, с азартом. На переднем плане ярким пламенем запыхали корни поваленного дерева. За ним дымящийся склон горы со множеством мелких факелов, а на вершине догорающая сосна. Языки пламени получились, как

живые. Довольный своей работой, я поднялся на вершину и, как победитель стал обзирать окрестности. Со стороны старицы доносилось кряканье уток. Приглядевшись, я заметил множество птиц, летающих над старицей. Мне страшно захотелось порисовать водоплавающих птиц, и я направился к старице. Дойдя до протоки, где стояла моя ловушка для рыбы, я скоро нашёл самый короткий путь до водоёма, но там был открытый берег и солнце светило в глаза. Если старицу обогнуть, можно выйти к тому месту, где к воде подходит хвойный лес. За ветками елей можно будет укрыться. Не так просто оказалось добраться до этих елей, но что не сделаешь, если стал на путь анималиста. Наконец, я пробрался через заросли ольхи и ивняка и, пройдя метров десять по хвойному лесу, вышел к старице. Утки заметили меня и уплыли на другой конец водоёма. Я приготовил этюдник и стал ждать. Первыми появились длинноногие кулики, потом близко от меня шлёпнулась на воду довольно крупная утка. Я торопливо делал карандашные наброски и ужасно переживал, что не знаю, кого рисую. Слышал, что есть гоголи, огари, кряквы и другие утки, а чем они отличаются я абсолютно не ведал. Уток, разных куликов и чаек становилось всё больше и больше. Сначала я рисовал карандашами на ватмане, а потом сделал несколько этюдов маслом. Если доберусь до дому, обязательно займусь изучением птиц и животных, решил я.

Глава 14

Халькопирит

Через два дня я перетащил брёвна к воде и начал вязать плот. Чтоб готовый плот было легче спускать на воду, я начал его сборку на пихтовых жердях, которые установил под углом с берега прямо в воду. Если смочить кору пихты, она становится скользкой. Плот был настолько мал, что когда я плавал на нём осенью, брёвна почти полностью погружались в воду. Чтоб иметь на судне сухую палубу, пришлось сделать поперечный настил из сухих жердей. На одном конце плота из влажной мятой глины выложил площадку для костра. Все дни пока я занимался плотом, в моей голове звучало подозрительное слово «халькопирит». Почему золотистый песок Рафик назвал этим непонятным словом? А, по-моему, это всё-таки было золото.

В конце концов, я не выдержал и собрался сам обследовать тот ручей на верхней стоянке, где у Рафика видел этот халькопирит. Заложив в печку два толстенных полена, я отправился в поход.

Лес наряжался в новые платья. То тут, то там белели трепетные подснежники. Пернатые певцы старались перекричать друг друга. На какое-то время задержался на верхней площадке, чтоб полюбоваться панорамой. Молодая зелень, омытые грозой скалы и белые кучевые облака на голубом небе вызывали радостное приподнятое настроение. Спустившись к реке, я заглянул на свалку. По правилам Рафик должен был закопать все свалки, но он не сделал этого. Вот тебе и опытный специалист. Халькопирит опять мелькнуло в моей голове уже как ругательное слово. С другой стороны хорошо, что не закопал. Разнимая лопатой крапиву на месте свалки, я облюбовал большую банку изпод селёдки и маленькую стеклянную баночку с завинчивающейся крышкой.

Знакомая тропа, протоптанная по высокому берегу, скоро привела меня к ближнему ручью, но мне хотелось попробовать мыть грунт там, где я видел халькопирит у Рафика. Осенью я, словно по проспекту, шел по песчанно-гравийной полосе между рекой и зарослями ивы. Теперь полноводная Золотянка хозяйничала даже в прибрежных зарослях. Другой тропы на дальний ручей я не знал. Воды в ручье бежало на много больше, чем осенью. Поднявшись выше, я засучил рукав и зачерпнул песок со дна ручья вместе с водой. Раскручивая банку, я понемногу выплёскивал воду вместе с лёгким грунтом. Добавляя воду, продолжал вращать банку до тех пор, когда в ней остались только

самые тяжёлые частицы. Сколько ни разглядывал их, ничего похожего на халькопирит не обнаружил. Я снова зачерпнул песок и смыл лёгкие частицы. В банке опять ничего не блестело. Черпаю третий, четвёртый раз. Бесполезно. Настроение моё совсем испортилось. Поднимаясь ещё выше по ручью, я дошёл до места, где ручей с шумом извивался между камней и, пенясь, закручивался в водоворот. Я снял рубашку, лёг на каменистый берег и зачерпнул грунт со дна водоворота. На этот раз после промывки в банке заблестели две маленькие, словно зёрнышки просо, крупинки. Осторожно, чтоб не уронить, я положил их на ладонь и стал внимательно рассматривать. Не так уж много довелось мне видеть золотых вещей, но это, по моему, всё-таки, было золото. Рафик просто этим халькопиритом запудрил мне мозги, а потом, затеяв какое-то тёмное дело, решил совсем избавиться от свидетеля. Около часа я черпал песок со дна водоворота и примерно с полнапёрстка намыл драгоценного металла. У Рафика его было гораздо больше. Я сменил несколько мест. Золотистые песчинки попадали, но мало. Наконец, я нашёл небольшой водопад, вернее порог. Под порогом была яма, и мне показалось, что в ней должно быть золото.

Солнце хорошо пригревало, но вода в ручье была очень холодной.

-А как же купаются люди зимой? Раз надо, значит надо,- приказал я сам себе и разделся догола. Обжигающая вода доходила до пояса, а чтоб зачерпнуть песок со дна, пришлось окунуться полностью. Выскочив из воды, чтобы согреться, я немного попрыгал и стал промывать грунт. От количества золотистых песчинок у меня захватило дух.

-Это ведь то, что искал Роман по всей Золотянке! - обрадовался я. - Вот намою и привезу ему.

Разгорячённый, не чувствуя холода, я погружался за песком ещё и ещё. Когда драгоценный песок покрыл дно в моей баночке, я вспомнил об огне в моей печке. Моментально одевшись, я побежал через горы к своему жилищу. Весь мокрый от пота, я полез в печку. Камни печки были ещё горячими, но в золе не нашёл ни одного горящего уголька. Вот это халькопирит!

Я снял мокрую рубашку и повесил на сук ближайшей берёзки. Из ямки, прикрытой лапником, которая служила мне холодильником, достал котелок с остатками вчерашнего супа.

- Завтра придётся есть сырую рыбу, - с горечью подумал я.

Съев суп, я почувствовал усталость. В землянке было жарко. Постелив на травку штормовку и положив в изголовье шубную куртку, я растянулся и скоро заснул.

Ночная прохлада разбудила меня и загнала в подземное жилище.

Глава 15

Простуда

Утром я пошел проверить морду. За два дня рыбы набилось много, но как её есть сырой, да ещё без соли, я не представлял. На полянке не далеко от протоки подрос щавель, Я нарвал его целый букет, но по дороге больше половины съел. Солнце припекало, как в разгаре лета. Когда-то еще в школе с помощью солнца и лупы я выжег на фанерке ворону и лисицу из басни Крылова. У ребят были выжигатели, а у меня не было, но мою работу на школьной выставке признали лучшей. Вот сейчас бы мне эту лупу. Может разобрать фотоаппарат? В его объективе ведь тоже какие-то линзы. Объектив у ФЭДа легко выкрутился. Выйдя на солнце, я попробовал навести фокус на ладонь и тут же отдернул её от боли. Объектив жёг не хуже лупы. Через несколько минут перед моей землянкой уже горел костёр. Я решил готовить еду на открытом воздухе, чтобы в землянке не было жарко. Из крупной сороги и линьков получился густой суп приправленный снытью и крапивой. Второе возрождение огня я отметил щукой запеченной в глине. Рыбу я фаршировал снытью и щавелем, а снаружи, чтоб лучше отставала глина, обернул крупными листьями молодой крапивы.

К ночи опять похолодало, но судя по закату, погода не должна испортиться. Добыв огонь без особого труда, я не стал поддерживать его всю ночь и спокойно проспал до утра. Проснулся рано, хотя солнце уже начало пригревать. Я хотел снова разжигать костёр и полез в рюкзак за фотоаппаратом, но в мои руки попала баночка с золотым песком. Мне показалось, что у меня слишком мало этого песка. Вот у Рафика его было раз в двадцать больше. Неожиданно мне захотелось ещё попытать счастье на промывке песка.

Быстро позавтракав печёной щукой, я снова отправился на промысел. В этот раз я спустился вниз по ручью до самого его впадения в Золотянку. В одном месте поваленное дерево образовало запруду и небольшой порог. Пришлось снова раздеваться догола, чтоб проверить песок и в запруде, и ниже порога. У меня даже появилось какое-то чутьё на драгоценный песок. Я нырял в ледяную воду, черпал грунт, потом выскакивал на берег и долго раскручивал в банке воду, несколько раз меняя её. Почти каждый раз на дне оставалось несколько блестящих крупинок. Ради интереса я даже зачерпнул грунт буквально в месте впадения ручья в реку и вымыл пару золотяшек. Так вот откуда в реку поступает золото, которое обнаружили геологи.

Не одеваясь, я перешёл к порогу, где удачно мыл в прошлый раз. Мне снова везло, и я так увлёкся, что не заметил, как пролетел день. Солнце уже скрылось за пиками елей, когда я добрался до своего жилища. Похлебав холодный суп, я лёг на топчан и скоро заснул. Ночью меня замучил кашель, а утром стал донимать насморк. В тот раз после ледяных ванн я бежал бегом и, видимо, этим прогрелся. В этот раз шёл не спеша и вот результат. Эх! попариться бы в баньке, вся бы хворь прошла. Хлюпая носом и постоянно кашляя, я сходил на протоку и принёс немало крупной рыбы, но у меня разболелась голова и, кажется, поднялась температура. С помощью объектива от солнца зажёл бересту и растопил в землянке печку, на которую положил несколько камней. Я надел шубную куртку и, вздрагивая от озноба, лёг на топчан. В мою голову опять полезли грустные мысли. Неужели, выжив в лютые морозы, можно загнуться от какой-то простуды? Никогда в жизни я не чувствовал себя таким несчастным.

В землянке стало тепло, и я задремал. Очень странно, но за всё пребывание в тайге, я почти ни разу не видел сны. В этот раз, возможно под действием высокой температуры, я отчётливо увидел, как в мою землянку вошла женщина. Она была в каком-то красивом национальном костюме. От улыбающегося лица с широкими скулами исходила доброта и нежность. Я хорошо знал, что на сотни километров вокруг меня нет ни души. Откуда же взялась эта аборигенка? Женщина, что-то наговаривая на не понятном мне языке, погладила меня по голове. дала выпить какое-то лекарство, а потом накормила каким-то очень вкусным кушаньем. У меня появилась сила, и я хотел обнять свою спасительницу, но женщина взяла меня за руку и повела за собой. Оказалось, что совсем не далеко от землянки стоял красивый терем. Внутри терема в большом зале висели мои картины. Тут же бегали маленькие дети. Дети обрадовались и стали прыгать вокруг нас. Некоторые дёргали меня за рукава и кричали: «Папа! Папа!»

В одной из комнат стоял мольберт с чистым холстом а рядом на столе целая груда красок. Женщина подвела меня к мольберту.

- Рисуй, - сказала она уже на русском языке, а сама взяла ружьё и отправилась на охоту.

- Вот это жизнь! – обрадовался я. – Рисуй сколько хочешь и ни о чём не думай. Да, я пожалуй никуда от сюда не поеду. Среди такой прекрасной природы такая нежная и заботливая женщина. А дети? неужели это мои дети? Так ведь это хорошо. «Рисуй», но кому нужны здесь мои шедевры. Ведь таланту нужны поклонники.

От этого вопроса я проснулся, но долго не мог прийти в себя. Наконец, заставил себя подняться. Вода в котелке на половину выкипела. Бросил в кипяток, собранные по дороге листья мать-

мачехи, малины и смородины. Напившись ароматного отвара, я снова лёг на топчан. Под ноги положил большой горячий камень и на грудь тоже вместо грелки положил камень поменьше. Приснившаяся аборигенка не выходила из моей головы. Когда камни остывали, я менял их, пил горячий отвар и снова ложился на топчан.

На следующий день я почувствовал себя лучше. Кашель стал мягче, уменьшился насморк, перестало знобить. Надо было подумать о еде, я ведь больше суток ничего не ел. Завёрнутая в крапиву рыба отлично сохранилась, но мне почему-то захотелось куриного бульона. Наблюдая прекрасную пору размножения птиц, я давно уже не стрелял по ним. В районе старицы, как на птичьем базаре, полно уток крупных и мелких, но, во-первых, идти туда не близко, во-вторых, пробиться к старице через заросли и болото не просто и, самое главное, достать убитую птицу на воде не искупавшись невозможно. Купаться, мне уже простуженному, совсем не хотелось. Отвергнув утиную охоту, я отправился в ближайший лес, в котором мной уже были натоптаны тропинки. Голубь своим воркованием сам привлёк моё внимание. Мне показалось, что это был самец. Все самки сидели на яйцах или носили корм своим птенцам, а этот тунеядец беззаботно сидел на ветке ели, и было грех пройти мимо него. Оказалось, что стрелять из лука я ещё не разучился. Менее часа потребовалось мне для того, чтобы добыть двух голубей. На обратном пути я заглянул в лог с зарослями крапивы и сныти, Супчик получился отменный.

Через несколько дней я был в отличной форме и решил ещё сделать несколько этюдов в районе верхней стоянки. Яркая молодая зелень, как новое платье представляла природу совершенно в ином виде.

Какая красота! Среди такой природы надо строить курорты. А вот начнут добывать этот чёртов халькопирит да качать нефть и всё загадят. Сроют эти красивые горы, в Золотянку будут сливать промышленные отходы. А я бы тут такие дворцы настроил!

Рассуждал я так, словно был самым умным. Порой мне кажется, что у нас совсем перевелись архитекторы. То бетонные коробки кладут на бок, то ставят на попа. Больше ничего не могут придумать. Даже в кремле вместо дворца съездов поставили обыкновенную коробку.

В нашем городе было несколько холмов. Старики говорят, что на них до войны ещё был лес. В войну лес вырубил на дрова а все косогоры раскопали под картошку. Поздней на этих холмах и вдоль речек разбили мичуринские сады. Теперь на холмах ставят коробки На самой высокой горе от куда, как со смотровой площадки, можно было обозревать пол города, построили какую-то хабазину в виде производственного корпуса. Склон горы завалили

строительным мусором а потом в несколько ступеней построили гаражи. Гаражи, конечно нужны, но зачем их строить на самом видном месте? А если уж есть в этом большая необходимость, то можно построить красивый многоэтажный гараж, чтоб он выглядел не хуже жилого дома или административного здания. А речки, бедные городские речки, в которых когда-то водились пескари. В чём они виноваты? Зачем их заваливают мусором и, как в канализацию, сливают всякую гадость? Конечно, проще обозвать их вонючками и упрятать в бетонную трубу, чем очистить и облагородить. Испокон веков в западноевропейских городах ценятся ландшафтные парки. Даже в безводных городах создают искусственные водоёмы, У нас же почему-то любят разводить свалки и помойки.

Я бы на самом высоком холме соорудил здание в стиле старинного замка. Или наоборот высотное здание, напоминающее московские высоты пятидесятых годов. Те же гаражи разместил бы не ступеньками, а в несколько этажей в своеобразной крепостной стене. На верху стены сделал бы смотровую площадку для любования городом. А на месте мичуринских садов и вонючей речки разбил бы красивый парк с чистыми прудами и водопадами.

Нет, видимо в правду перевелись зодчие на Руси. Хотя всё зависит не столько от зодчих сколько от руководителей. Как прикажут, так и сделают.

Рассуждая, я написал два этюда, в которых преобладал ярко-зелёный весенний цвет.

Неожиданная встреча

Можно было отправляться в долгожданное плавание из этого красивого, но сурового края. Я уже упаковал свои этюды, но вдруг подул сильный ветер, пошёл дождь и резко похолодало. Ночевать под открытым небом даже у костра мало приятного, если температура воздуха близка к нулю. Лучше подождать ещё, чем снова простудиться. Ждать да догонять хуже всего. Днём, хотя и было ветрено, солнце хорошо пригревало, и я ходил в одной рубашке. Приготовленный и хорошо закрепленный плот почему-то оказался на мели. Пришлось немало повозиться, чтоб снова столкнуть его на воду. Шумный ручей тоже обмелел, притих и только водопад шипел на всю округу. Вот когда надо было заниматься промывкой золота. Уже который раз доставал я баночку с драгоценным песком. Да, красиво блестит, но, сколько горя, сколько смертей приносит людям этот презренный металл. Можно за приличную цену продать этот песок ювелирам, но я обязан отдать его Роману. Всё-таки наверно можно оставить себе несколько крупинок в память об этой экстремальной зимовке. Приклеить их на тёмный бархат в специальной коробочке и хранить, как самую ценную реликвию. Пожалуй, надо ещё попытаться намыть. Чтоб не залезать в воду, я из консервной банки сделал специальный ковшик с прочным длинным чернем. Намытый ранее песок я высыпал на тряпку, которую нашёл в упаковке с этюдами и туго завязав, оставил в кармане рюкзака.

Наконец-то я выстирал свою штормовку, если можно так назвать полоскание в холодной речной воде. А утром выяснилось, что сделал это совсем не к стати. Собрался в поход за золотом, а штормовка не высохла.

В одной рубашке, подгоняемый утренней прохладой, я быстро добрался до заветного места. Ручей, словно утомившись, шумел уже не так сердито. По обнажённым камням можно было легко перебираться с берега на берег. Золотянка тоже отступила от прибрежных зарослей. Прежде чем отправиться на дальний ручей, я решил попытать счастье на старом месте. Сняв рубашку, я с берега или с камней большой банкой дотягивался до дна, черпал грунт и промывал его. Там, где было поглубже, применял ковшик. В одном месте мне повезло: сразу попало три крупинки больше рисового зерна.

Распогодившийся день удачный промысел и предчувствие скорого отплытия создавали радостное настроение. Неожиданно

до моего слуха донёлся шум вертолётa. Накинув рубашку, я побежал на открытое место у верхней стоянки. Вертолёт пролетел буквально надо мной. Я орал и махал руками, но из-за деревьев меня не было видно. Когда раздосадованный я выбежал на поляну, вертолёт поднимался с косы, на которую когда-то высадил нас. К берегу причаливала лодка, в которой было два человека. Я не верил своим глазам и на всякий случай ущипнул себя. Нет, это был не сон. Из лодки вышел Роман. Второй человек мне был не знаком.

- С прибытием!- сказал я, выйдя из-за кустов.

Гости опешили, и, кажется, потеряли дар речи.

- А вы что здесь делаете?- наконец спросил Роман.

- Живу,- коротко ответил я.

- Как живёте?- удивился Роман.

- Хорошо,- улыбаясь, ответил я и добавил:- Здесь такая красотища, я обязан её запечатлеть.

Никогда в жизни мне не доводилось наблюдать такое быстрое изменение в выражении лица. Конечно меня обросшего, волосатого, грязного трудно было узнать.

- Зорин что ли? Вовка? Не может быть.

- Он самый.

- Как ты сюда попал?

- Ты же сам меня привёз.

- Но ведь за вами прилетал вертолёт.

- Да, Рафик улетел. Только на нижнюю стоянку он уплыл один, а меня оставил здесь.

- Как оставил? Разве можно оставлять человека в тайге?

- Да ладно, ты-то зачем прилетел?

- Всё за тем же. Хочу всё-таки найти золото.

- А здесь его нет. Есть только халькопирит.

- Какой ещё халькопирит?

Тут я не выдержал и достал свою баночку.

- Да это же настоящее золото!- закричал Роман.- Где ты его взял.

- Намыл консервной банкой там же где мыл Рафик. У него этого добра много было.

Тут Роман взбесился, стал ругаться матом и велел срочно показать то самое место. Пока Коля, так звали напарника Романа, орудовал с лотком, я коротко рассказал о своей зимовке.

В специальном лотке золотого песка задерживалось гораздо больше, чем в банке из-под селёдки.

- Я знал, я был уверен, что тут есть золото! – горячился Роман.
– Засима-охотник не мог наврать.

- Что за охотник? – заинтересовался я.

- О! Это целая легенда, – ещё больше заинтриговал Роман и, не много помолчав, стал рассказывать.

- Работали мы в прошлом году километрах в двухстах отсюда. Искали стратегический минерал, а нашли умирающего охотника. Пришлось делать носилки, чтоб доставить его в лагерь. Страшный радикулит так сковал человека, что он уже три дня ничего не ел, хотя в рюкзаке были какие-то продукты.

Прежде всего охотника накормили, потом натирали какими-то мазями из нашей аптечки, а после рюмочки водки он совсем повеселел. Звали его Засима. Всю жизнь он промышлял охотой. Исходил всю тайгу вдоль и поперёк. Про Золотянку он ещё в далёком детстве услышал от отца, который был старателем. Недобрая слава ходила о Золотянке. Немало душ загубила она и почти все тонули на обратном пути в водовороте у Красного камня. Его даже стали называть Кровавым камнем. Отцу повезло: он намыл много золотого песка на Золотянке чуть выше извилины. «Я думаю, что это как раз здесь выше резкого поворота реки.» А со дна у Красного камня он достал несколько самородков. Благополучно добравшись до дому, он решил обменять золото на деньги. Это было в тридцатых годах. В то время в городах работали торгсины. Скупщик золота попросил зайти на следующий день, сказав, что у него нет в наличии такой большой суммы денег. А на завтра его ждали люди из НКВД. И поехал он мыть золото куда-то на Колыму, но уже под конвоем.

Засима дал слово не прикасаться к презренному металлу и, когда в тайге встречал старателей, обходил их стороной. Он и к нам не хотел идти, приняв нас за старателей.

Осознав, что здоровье больше не позволяет ему заниматься промысловой охотой, он подарил нам свой лабаз.

- А я раскурочил, - неожиданно вставил я.

- Что раскурочил? – переспросил Роман.

- Да ваш лабаз.

- Как ты его нашёл?

- Да вот так. На верхней стоянке обнаружил. Он меня очень выручил, – оправдывался я. – Сейчас пойдём на нижнюю стоянку и я вам всё покажу.

Привязав резиновую лодку к дереву, чтоб не унесло ветром, мы пошли через горы к моему жилищу. Пока геологи осматривали мои хоромы, я занялся приготовлением ухи. Моя была только

рыба, а гости дали мне картошку, перец и, конечно, соль. Стол поставили на улице. Гости выложили колбасу, кабачковую икру и шпик. Для меня же самым лакомым был ломоть бородинского хлеба. Роман достал из записки чекушку спирта, и у нас получился настоящий праздник. Разговорам не было конца. Подвыпившие геологи восхищались моим жилищем и фигурками из глины. Роман долго крутил в руках глиняную голову Рафика.

- Так вот где хранится дурная голова, а её никак не могут найти, - сказал он.

Ничего не поняв, я спросил:

- Ну как? Походит?

- Здорово ты его схватил. Как живой, – похвалил Роман.

- Таким я его в первый день запомнил, а как вы уехали, он стал чернее ночи.

- Конечно. Он ведь обдумывал тёмное дело.

Несколько фигурок ребята попросили на память.

- А где твои этюды?- спросил Роман.

Я объяснил, что этюды хранятся в кладовке у первого жилища.

- Какая кладовка? Что за первое жилище?- допытывался Роман.

- Вы думаете, я в один день вырыл это подземелье. Мне ведь еще что-то кушать надо было и постоянно поддерживать огонь. Спичек-то у меня всего пол коробка было. А по ночам уже морозило. Завтра всё покажу и первое жилище, и этюды. Я ведь и зимой рисовал.

- Ты просто настоящий Робинзон, - похвалил Роман, похлопывая меня по плечу.

Спать им пришлось в спальниках в палатке, ведь в моём жилище было только одно спальное место.

Утром, позавтракав бутербродами с колбасой и попив настоящего чаю с яблочным вареньем, мы пошли за ручей к каменному навесу.

-Я помню этот навес,- заметил Роман, заглядывая внутрь, - но не думал, что под ним можно жить.

- А тут, пояснил я, показывая на стеллаж справа,- хранилась калина с рябиной и мои этюды. Я вам их вечером покажу.

Геологи ушли по своим делам, а я перенёс этюды в землянку и отправился за свежей рыбой. К ужину сварил суп из тушёнки с картофелем. Это привезли геологи. От себя добавил крапиву. В городе ведь они не едят такой суп. На второе нажарил карасей и линьков. К приходу ребят разложил этюды на полянке. Получилась целая выставка. Коля, как мальчишка, был в восторге, увидев

знакомые места на моих этюдах. Роман сгорал от зависти и сожалел, что бросил живопись.

- Ну ладно, хватит глазеть. Давайте ужинать и рассказывайте о ваших результатах.

Геологи за день обследовали оба ручья.

- Все мои предположения подтвердились, заключил Роман. – Золото в реку поступает в основном из этих двух ручьёв. Вот негодяй!

- Кто?- спросил я.

- Кто? кто? Рафик!- сердито ответил Роман.- Он привёз образцы без единой крупинки золота. Ты говоришь, что у него много было.

- Халькопирита?- спросил я.

-Халькопиритом тут не пахнет. Это он просто тебе дурил голову. Сколько примерно ты у него видел золотого песка?

- Когда я подошёл, дно банки было покрыто полностью.

- Значит, он понял, что ты не глуп и решил бросить тебя на верную гибель. Вот негодяй! Нахапал золото, подвёл меня, оставил в тайге человека и сам смотался.

- Как смотался?- не понял я.

- Срочно рассчитался и уехал неизвестно куда.

- А нельзя его через милицию найти?- поинтересовался я.

- Наверно можно было,- ответил Роман, помолчав, - но я не имел права оставлять его с тобой. Столько лет работали рядом, бок о бок. Верил ему, как себе и вот в самый ответственный момент он нагадил мне в карман. Как после этого жить с людьми? Ладно, ты оказался молодцом. Нашёл общий язык с тайгой. А Рафика теперь уж никто не найдёт.

Я ничего не понял и попросил Романа объяснить мне.

Через знакомых ребят в МВД Роман узнал новое место жительства опытного специалиста и решил навестить его. На звонок никто не открыл. От разговорчивой соседки стало известно, что Рафика уже нет в живых, а его жена, стоматолог по профессии, находится под следствием за нелегальную ортопедическую деятельность. Дома у неё обнаружили большое количество золота. Про Рафика она посоветовала узнать у её брата Петра, с которым они уезжали на рыбалку. Когда Роман встретился с Петром, тот страшно испугался, но когда понял, что Роман не из милиции, рассказал всё подробно.

Пётр был заядлым рыбаком и давно вынашивал мечту половить рыбу на северном Урале, где жил его однополчанин. Познакомившись с Рафиком, он рассказал о своей мечте. С первого дня он стал активно поддерживать идею поездки на

Вишеру и, можно сказать, уговорил написать письмо однополчанину.

Когда весной рыбаки приехали на Вишеру, в первый же день Рафик стал интересоваться не рыбой, а алмазами. У однополчанина была лодка типа катера с мотором и рулём на переднем сидении. Он пообещал доставить рыбаков в самый рыбный приток Вишеры и через десять дней снова приплыть за ними.

Рыбаки поднялись километров на пятьдесят. Стало темно. Решили заночевать. Пётр с однополчанином пошли за дровами а Рафику велели разгружать лодку. Неожиданно взревел мотор и странный рыбак один угнал дальше. Друзья по воинской службе ничего не могли понять.

Ночи в северном краю уже были короткими, и как только немного рассвело, решили идти до ближайшего селения. Несмотря на раннее утро в селении был переполох. С другого берега реки к селению подходит дорога, а моста нет. Переправляются на маленьком пароме. Из-за мелководья суда тут уже не ходят, а лодки свободно проходят под тросом. Рафик, в сумерках проплывая мимо парома, почему-то поднялся в лодке. Паромщик ругался, кричал и махал ему рукой, а он добавил газу и ещё больше вытянул шею. От троса он хлопнулся в лодку и угнал не известно куда. Далеко уплыть он не мог. Две лодки уже отправились на поиски. Проритую додку со сломанным винтом нашли на каменистом берегу. В лодке было обезглавленное тело Рафика. Жена ехать на похороны отказалась. Пётр вернулся домой почти без рыбы.

Видимо Рафик, в поисках алмазов, хотел один подняться как можно выше, но жадность его сгубила. Дурную голову Рафика так и не нашли.

В эту ночь я долго не мог уснуть. Конечно, я желал, чтоб Рафик понёс наказание за свой подлый поступок, но о такой жестокости я даже не мог подумать.

На следующий день мы ждали вертолёт. Надо было перебираться на верхнюю стоянку. Я встал пораньше, чтобы сбегать за рыбой и убрать свою снасть из протоки. Роман тоже проснулся и пошёл со мной посмотреть, чем и как я ловлю рыбу. Около скалы я рассказал ему о пожаре.

- Да, если бы ты не остановил огонь, всё ещё, наверно, горела бы тайга, - сказал Роман, глядя на чёрную гору.

Пока мы ходили, Коля сварил вкусный суп. Мы плотно позавтракали, а рыбу пожарили и взяли с собой. Трудно поверить, но мне было не много грустно покидать моё подземное жилище.

- Может, успеем ещё сходить на ручей?- сказал Роман, когда мы пришли на верхнюю стоянку. Для убедительности ещё бы добавить золотого песку. Но вдруг он раньше прилетит. Надо заранее перебраться на косу. Тут я не выдержал и достал из рюкзака узелок с драгоценным песком и спросил:

- Вот этого хватит? Я собирался, когда отсюда выберусь, передать тебе.

Роман с удивлением посмотрел на меня, а я продолжал:

Ну не было у меня никогда золота и не надо. Что я с ним буду делать?

- А Рафик быстро нашёл применение,- вставил Коля.

- Я ведь не Рафик, - отрезал я,- хотя не плохо бы иметь несколько крупинок в память об этой зимовке. Я бы их в специальной коробочке хранил всю жизнь.

- Логично, - согласился Роман.- За такую героическую зимовку следует награду давать. Вон, Зиганшин и его компания, которых унесло в море, при уборке на барже продукты выбросили, а потом чуть не умерли с голоду.

- Зато героями стали, - подчеркнул Коля,- а про тебя даже в газете не напечатают.

- А я сам, когда выйду на пенсию, займусь литературой и напишу книгу «Зимовье на Золотянке».

- Ну, до тех пор в твоей памяти всё сотрётся,- возразил Коля.

Роман высыпал мой песок в специальную плоскую баночку, разровнял пальцем и поставив на тряпочку, сказал:

- Выбирай, которые нравятся. Бери, бери, сколько надо, а мы ничего не видели, ничего не слышали. Так, Николай?

- Всё правильно, - согласился Коля.

Только перебрались мы на косу, затарахтел вертолёт. Срочно выпустили из лодки воздух и затолкали её в мешок. Экипаж удивился, что вместо двух стало три пассажира.

Глава 17

Эпилог

По радио объявили мою станцию.

- Ну вот, слушая ваш рассказ, не заметил, как доехал, - сказал я, - жаль, что не услышал конец.

- Да рассказывать-то почти уже нечего, - смеясь, успокоил меня художник и продолжил повествование в сжатом виде:

- Когда приехали в родной город, Роман потащил меня к себе домой. Целый час я отмывался в ванной. Дав мне из своего гардероба кое-какую одежду, Роман направил меня в парикмахерскую. Девчонки уговорили меня оставить бороду. С тех пор хожу с бородой. Работать вернулся на свой завод. У нас тоже создали бюро эстетики. Мне предложили возглавить его. Почти каждый вечер я мог оставаться после работы, чтоб по этюдам писать большие полотна. Через два года экспонировалась моя первая персональная выставка, большую часть которой составляли таёжные пейзажи. На открытии была молодая, но толковая журналистка. Она так расхвалила меня, что областной музей купил три мои работы. Журналистка сама немного рисует и напросилась со мной на этюды. На природе мы пригляделись друг к другу и через полгода поженились. Живём в кооперативной квартире. Подрастают дети. Дочь хорошо рисует, но собирается в медицинский. Сын увлекается художественной фотографией. Следит за творчеством Василия Пескова. Очень часто просят меня что-нибудь рассказать о зимовке на Золотянке. Обычно при таких беседах достаём нашу семейную реликвию – красивую коробочку, в которой точно звёзды на тёмно-синем небе, горят крохотные золотые самородки. Когда возникают какие-нибудь трудности, я стараюсь убедить себя и других, что не бывает безвыходных положений. Не попади я на Золотянку, и не было бы и нашей дружной творческой семьи.

Электричка затормозила. Я поблагодарил рассказчика и пожимая его интеллигентную, но сильную руку, пожелал ему дальнейших творческих успехов.

2010-2011 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава 1 Занятное предложение	3
Глава 2 Здравствуй, Золотянка	6
Глава 3 Таёжные сюрпризы	8
Глава 4 Один	12
Глава 5 На нижней стоянке	15
Глава 6 Временное убежище	18
Глава 7 Пища - дело важное	21
Глава 8 Новоселье	24
Глава 9 Пришла зима	26
Глава 10 Испытание	30
Глава 11 Дальний поход	32
Глава 12 Весна	33
Глава 13 Пожар	39
Глава 14 Халькопирит	42
Глава 15 Простуда	44
Глава 16 Неожиданная встреча	48
Глава 17 Эпилог	55